

Г.А. ШАРОГЛАЗОВА

ОКАЗАЛАСЬ, ДЕВОЧКА, В ГЕОДЕЗИИ –
ЖИЗНЬ УЗНАЕШЬ

Галина Шароглазова

**Оказалась, девочка, в
геодезии – жизнь узнаешь**

«Издательство «Перо»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шароглазова Г. А.

Оказалась, девочка, в геодезии – жизнь узнаешь /
Г. А. Шароглазова — «Издательство «Перо», 2026

ISBN 978-5-00270-762-1

Одна из древнейших на Земле профессий – геодезиста – учит ориентироваться не только в пространстве, но и в жизни, случайным образом сводя людей, переплетая их судьбы, неожиданно соединяя или разводя навек. Все это – дороги, встречи, расставания, искусство сосуществования в одной палатке психологически плохо совместимых людей, глубинное осознание своей принадлежности к природе и выживание в ней в условиях дикой тайги, любовь и непредсказуемость развития событий – испытала на себе молодая девушка благодаря своей бродячей профессии. В сущности, здесь впервые представлен женский взгляд на полевую геодезию.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00270-762-1

© Шароглазова Г. А., 2026
© «Издательство «Перо», 2026

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1	8
1.1. Бригада наблюдателей	8
1.2. Астрономическая бригада	19
Глава 2	27
2.1. Знакомство с Южно-Сахалинском	27
2.2. Ожидание вертолета и гостиница с морской Анной перед вылетом на астропункт	31
2.3. Заколдованный пункт	34
2.4. Одиночество	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Галина Шароглазова
Оказалась, девочка, в
геодезии – жизнь узнаешь**

© Шароглазова, Г.А., 2026

Вместо предисловия

Работая на геодезическом производстве с 1972 по 1991 год, я столкнулась со случайным подбором людей в полевых подразделениях. Так, в бригаде наблюдателей¹ постоянным сотрудником в стационарной экспедиции был, как правило, только сам руководитель. Его и имел в виду начальник партии, планируя угловые измерения на полевой сезон. Состав бригад формировался уже весной, перед самым выездом в поле. Подлетал помощник в виде студента или студентки, направленных на геодезическую практику от подходящего по профилю вуза, подсакивал откуда-то рабочий, которым становился либо бич², зачастую из числа бывших эков или просто спившихся людей всех мыслимых на земле профессий, расшифровываемый ими как бывший или будущий интеллигентный человек, либо проштрафившийся водитель. Иногда в рабочие попадал и несколько заблудившийся деревенский парень, не поладивший с землей, без намеков на владение какой-нибудь профессией, побредший по свету в поисках заработка и легкой жизни. Конечно, в геодезии он не задерживался, а нервы за полевой сезон геодезистам в тайге успевал потрепать.

Я расскажу вам о некоторых эпизодах полевой жизни, участницей которых была сама. Это довольно интересно, когда несколько месяцев люди, различные по социальному положению, оказавшиеся волей случая вместе, выполняют общую работу и тесно соприкасаются друг с другом в бытовом плане. Бывалые геодезисты могут поведать немало любопытных историй на данную тему, представляя заинтересованным исследователям богатый психологический материал. Мне тоже кое-что удалось вынести из своих полевых геодезических сезонов: о людях, природе и осознании себя ее частицей.

Как ни странно, но случайные в геодезии люди, создавая совместно с геодезистами-профессионалами нестандартные ситуации в быту, замешанные на разных взглядах на жизнь и духовные ценности, отличающемся житейском опыте в силу воспитания, образования, социальной среды и еще множества факторов, не только не мешали, но в значительной степени способствовали положительному развитию процесса познания бытия. Варясь какое-то время в одном котле друг с другом, в условиях суровой тайги, мы начинали глубже понимать многогранность окружающего мира с его гармоничной красотой и нелогичностью поступков человека, нередко нарушающего эту дарованную свыше благодать.

И кто знает, возможно, именно случайный принцип формирования геодезических бригад, в совокупности с простотой и естественностью быта, без лишних замысловатостей и условностей, но в атмосфере дикой природы с ее дивными красотами и неожиданностями, являлся основной причиной моего внутреннего обновления после каждого полевого сезона, когда по возвращении я с удивлением обнаруживала жизнь окружающих в городе как бы застывшей: те же выражения лиц, те же заботы, те же небольшие радости, неудачи, мелочные ссоры, обиды, зависть, безнадежность, разочарование, словно и живут не в полную силу, и дышат полувздохами.

А в поле – естественность и свобода, помогающие людям стать самими собой, без наветов и прикрас, когда легче преодолеваются неизбежные в условиях тесного бытового сосуществования из-за различий характеров и привычек психологические трения между собой; закаты,

---

¹ *Бригада наблюдателей* – бригада по производству высокоточных и точных угловых измерений в государственной сети триангуляции (сплошном геометрическом построении, состоящем из соединенных между собой треугольников с вершинами, расположенными на командных высотах местности, которые закреплены долговременными центрами и обозначены наружными опознавательными знаками (вышками) специальной конструкции, – пирамиды, простые и сложные сигналы). В совокупности центр с наружным опознавательным знаком называют пунктом или знаком триангуляции. Каждый пункт триангуляции имеет два ориентирных пункта, расположенных на расстоянии 250–1000 метров от основного центра.

² *Бич* – дальневосточное название бомжа (человека без определенного места жительства).

ночные звезды, задумчивые таежные реки с прозрачной водой, горы, водопады, костры, олени, самобытные жители глухих, почти не тронутых цивилизацией поселков, с чистыми помыслами и светлыми душами, и снова – закаты и звезды.

В ясные летние ночи мы иногда не ставили палатку и перед сном, а также, проснувшись ночью, могли долго любоваться яркими таежными звездами, августовскими звездопадами с загадыванием сокровенных желаний, инстинктивно постигая, скорее, угадывая, досель неизвестные нам тайны мироздания, когда душа на разрыв – одновременно сознает себя и частицей Вселенной, и самой Вселенной.

А какие потрясающие закаты случалось наблюдать в полевых условиях! Никогда не забуду вечернюю красоту на Чургимском водопаде в горной тайге севера Красноярского края.

Холодный и кристально чистый, падающий со скалистой вершины, водный поток, а над ним – высокое небо с заходящим солнцем, окрашенное во всевозможные цвета, на котором присутствовали и божественная синева, и белые облака, и еще что-то немыслимо бурлящее в нерукотворном многоцветии: розовое, красное, фиолетовое, желтое и снова фиолетово-лиловое и красное. Невероятное сочетание красок, вызывающее дикий, просто ошеломляющий восторг перед вдохновенным творением первозданной природы.

Не было у нас цветных фотоаппаратов, не было среди нас художников, но все навеки запало в души, сердца, и появилась вера, что эта красота, как божий дар, как знак Вселенной, не зря дана Миру.

На закаты мы не только любовались, а часто смотрели с надеждой и тревогой, так как работа геодезистов очень сильно зависит от погодных условий, особенно при производстве высокоточных угловых измерений в государственной сети триангуляции: ветер – плохо, в дождь можно только спать или собирать грибы – о наблюдениях следует забыть, рефракцию воздуха тоже надо учитывать и работать строго в определенные часы видимости³. Поэтому геодезисты хорошо прогнозируют по закату погоду на завтра: красный – к ветру; темный, в беспросветной облачной пелене – к дождю; светлая полоска на горизонте закатного неба – есть надежда на хорошую погоду, которая перерастает в уверенность, если на небе появятся звезды, пусть не сразу, даже только перед утром, да еще с заметным похолоданием – точно к ясной погоде и хорошей утренней видимости.

Современные спутниковые методы координатного обеспечения⁴ меньше зависят от погоды и времени суток, но новые технологии, безусловно, обеспечившие настоящий прорыв в геодезии и геодинимике, поставили и новые задачи по учету влияния различных факторов на результаты измерений с целью достижения необходимой точности получения координат. Кроме того, в какой-то мере сохранился и подход к формированию полевых бригад в геодезии по случайному принципу.

Попробую изложить некоторые памятные для меня события, произошедшие в те давние полевые годы, с живыми людьми, в реальных обстоятельствах и с неожиданными поворотами судьбы.

В заключение все же хочу заметить, что несмотря на сказанное выше, предлагаемая повесть не является автобиографичной – в ней есть место художественному вымыслу, поэтому имена героев изменены.

---

³ Видимость – в триангуляции период времени суток с минимальным влиянием рефракции на результаты измерения углов. Как правило, это утром (утренняя видимость) или вечером (вечерняя видимость).

⁴ Спутниковые методы координатного обеспечения – определение координат точек земной поверхности по наблюдениям за искусственными спутниками Земли.

Глава 1

Производственная Практика

1.1. Бригада наблюдателей

Начну с впечатления студентки, впервые оказавшейся в геодезической производственной бригаде, на практике. Запомнилась фраза, обращенная ко мне одного из работников экспедиции, когда наша наблюдательная бригада, укомплектованная случайным образом, уже сидела в машине, готовая к отъезду на полевую базу партии:

– Оказалась, девочка, в геодезии – жизнь узнаешь.

Действительно, начала постигать основы брэнного существования разумных обитателей Земли в житейском море. На практике я попала на наблюдения пунктов триангуляции второго и третьего классов, а затем – на привязку ориентирных пунктов⁵ астрономическим методом наблюдения по Полярной. Но начнем все по порядку: вначале – бригада наблюдателей.

Руководитель бригады – Виктор. До выезда в поле ничего не знали друг о друге; подвели меня к нему, представили как помощницу, практикантку из НИИГАиК⁶. Он, как выяснилось, тоже учился в Новосибирске, только в топографическом техникуме, но в экспедиции занимал инженерную должность и считался уже опытным наблюдателем. Ярко выраженная азиатская внешность юго-восточной окраины России – нечто среднее между бурятом, алтайцем, монголом. Почти не ошиблась, оказалось, тувинец, из Тувы (Республика Тыва), но Виктор говорил Тува. Спокойный, немногословный, к полевой жизни привычный, абсолютно не нуждающийся в горячей воде и бане, как мы. Но об этом я узнала уже позднее, как и то, что мыться и купаться он вообще не любил, даже тогда, когда стояли на берегу реки или озера. Оказавшись в деревне, мы первым делом договаривались с кем-нибудь из хозяев о бане и неслись мыться, а Виктору это было не нужно. Месяцами не мылся, но неряшливо не выглядел – такая любопытная особенность организма.

Довольно самолюбив. Студентка вуза, хорошо успевающая по всем геодезическим дисциплинам, практикантка, в профессиональном плане я на него смотрела снизу вверх, как на уже опытного геодезиста, проработавшего не один полевой сезон в условиях сибирской тайги, и хотела учиться у него практическим навыкам, но до одного случая, о котором расскажу несколько позднее и который явился причиной моего перехода в астрономическую бригаду. На первом же пункте триангуляции, став за теодолит⁷, возможно, несколько рисуясь, Виктор заявил:

– Забудь, чему тебя учили в институте, учись у меня.

Я просто поразились, услышав это, так как с удовольствием училась в НИИГАиКе, и преподаватели мне нравились. Почему я должна забывать то, чему научил меня профессор Проворов, прошедший в геодезии все ступени, начиная с рабочего, исполнителя, руководителя, и ставший известным ученым, талантливым преподавателем с богатейшей практической и теоретической базой знаний? А Агроскин, Телеганов, Панкрушин, Вовк, Напалков, Сурнин, Антонович!

---

⁵ *Привязка ориентирных пунктов* – определение расстояний и азимутов (дирекционных углов) с центра основного знака на центры ориентирных пунктов путем угловых измерений или астрономическим методом.

⁶ НИИГАиК – Новосибирский институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии (ныне СГУГиТ – Сибирский государственный университет геосистем и технологий).

⁷ *Теодолит* – геодезический прибор для производства угловых измерений.

Нет, он говорит явные глупости, возможно, не подумав. Я тогда промолчала и постаралась забыть эту болтовню.

Чувствуя себя в тайге как дома, Виктор часто удивлял меня своим личностным разнообразием. Иногда он мне казался обиженным судьбой, просто ограниченным ворчуном. Но через пять минут я уже восхищалась им, его умелыми руками и метким глазом. Если не справлялся рабочий, то мог разжечь костер с одной спички – и в дождь, и в ветер. Угловые измерения выполнял качественно, строго соблюдая все четко прописанные требования инструкции. В журнал для записи результатов измерений, который по обязанности вела я, практически не смотрел, как-то быстро оценив, что не ошибусь в вычислениях. Условия видимости чувствовал очень хорошо. Практически ничего не читал, но радиоприемник слушать любил. Если вспомнить фразу из Юрия Визбора «Люди идут по свету» о том, что «самые лучшие книги они в рюкзаках хранят», то у Виктора она была единственной – это инструкция по созданию государственной сети триангуляции.

С тайгой был на «ты» и всегда верно чувствовал правильное направление при передвижении, что меня, конечно же, восхищало. Люди рождаются с навигаторами в голове, а не становятся таковыми; это природный дар, которым я не обладала. Знал множество примет опознавания своего местоположения в дикой тайге, показал мне оставленные лесным человеком, скорее всего, охотниками, какие-то невидимые зарубки на деревьях для ориентировки, которые, увы, для меня оказались непостижимыми. Возможно, он иногда подшучивал надо мной, как в известной геодезической байке, когда наблюдатель требует рабочего принести фал, чтобы выполнить привязку ориентирных пунктов. Рабочий-новичок, естественно, несет, разматывает его и пытается привязать. Намучившись, размотав и убедившись, что длины фала не хватает, он прибегает к хохочущему наблюдателю за советом и только тогда понимает, что его разыграли.

В каждой профессии есть свои приколы. На Камчатке, когда я летела на вертолете на контроль в полевую бригаду, работающую на геодинамическом полигоне⁸, в качестве геодезиста с уже десятилетним стажем, но выглядела моложе своих лет и самоувереннее, чем нужно, вертолетчик, ас-виртуоз, о мастерстве которого я была уже наслышана, а после неоднократно сама убеждалась в этом, решил подшутить надо мной, возможно, желая несколько умерить мой апломб, и заглушил на высоте мотор – вертолет резко пошел вниз. Конечно, в кабине ожидали услышать перепуганный визг, но я как знаменитый Тартарен из Тараскона, которому другой тарасконец рассказал, что швейцарские Альпы абсолютно безопасны, так как туристическая кампания, наживающаяся сейчас на туристах, все предусмотрела, и в каждой пропасти, расселине, трещине сорвавшегося альпиниста ждет удобный специально оборудованный надувной матрас, который без всяких приключений и неожиданностей подхватит и поднимет его наверх, не испугалась, во всяком случае, внешне, и спокойно-вопросительно посмотрела в лицо выглянувшего из кабины пилота, принявшего мое молчание за оцепенение или обморок. Не дождавшись ожидаемой реакции, он засмеялся и включил мотор.

У Виктора несколько своеобразное отношение ко мне, какое-то сочетание пренебрежения с внимательностью. В одном из населенных пунктов он купил мне конфеты «Мишка на севере», о которых я только однажды упомянула, что нравятся. Отдал их как-то неуклюже и в то же время покровительственно, как ребенку. Но чаще всего он просто не замечает меня, особенно когда работает. Иногда чувствуется даже явное пренебрежение, типа, что она может и что из себя строит. К теодолиту вообще не подпускал. Только через начальника партии получила я от него разрешение иногда выполнять тренировочные угловые измерения. Пригодилось:

---

⁸ *Геодинамический полигон* – специально выбранная территория, на которой выполняются в режиме мониторинга наблюдения за деформациями земной коры.

через три года я уже сама работала руководителем бригады и выполняла самостоятельные триангуляционные наблюдения в Амурской тайге.

Это сочетание пренебрежения и внимательности ко мне в Викторе одновременно и притягивает, и отталкивает. Иногда он меня раздражает, а иногда я испытываю просто нежность к нему, как к брату, хочется сделать для него что-нибудь очень и очень хорошее.

Я представляю, каким он был в детстве: непокорный, упрямый забияка, чувствительный к обидам, но хранящий все про себя. Живые, немного жесткие глаза, в которых своеволие и сознание собственной правоты; губы не сжаты, а как-то сведены в полоску. Самым примечательным в его внешности являются именно глаза: они могут быть большими, широко открытыми или совсем узкими и цвет меняют в зависимости от настроения или состояния души.

Однажды мне довелось оказаться свидетельницей того, как он безжалостно срубил очень красивую березку, закрывавшую видимость с земли на один из ориентирных пунктов, и я выразила по этому поводу сожаление, потому что можно было решить вопрос их привязки более трудоемким путем, но сохранив дерево. В ответ Виктор только пожал плечами, так как дело уже сделано, а берез в лесу много.

Благодаря оптимизации ценой в одно срубленное дерево мы быстро завершили работу на пункте и на следующий день устроили себе выходной. Чем заняться, когда энергии вагон и спать уже не хочется, а молодость жаждет развлечений? Затеяли мы тогда с рабочим игру в скакалку: кто больше напрыгает на ней с разными выкрутасами – на правой ноге, на левой, со скрещенными руками, взад, вперед и так далее. Заигрались настолько весело и вошли в такой азарт, что рабочий чуть про обед не забыл. Вспомнил и с сожалением пошел разводить костер и готовить, сказав, что после обеда обязательно доиграем.

Я вбежала в палатку, распахнутую для проветривания, раскрасневшаяся, не остывшая от игры, и упала на спальник. Встретилась с задумчивым и показавшимся мне несколько необычным, погруженным в себя, взглядом Виктора. С удивлением и немного с сочувствием подумала: заскучал, наверное, по дому. А он смущенно говорит:

– А я вот облаками люблюсь. Посмотри, вон белый медведь плывет на льдине, а выше – старик Хоттабыч. Интересно, правда? Больше часа за небом наблюдаю и ничуть не надоело. Меняется в каждое мгновение. Чего только я тут не нафантазировал!

И это говорит Виктор! Господи, да он и сам-то сейчас другой: глаза широко открыты, непривычно глубокие и голубые, по-детски ясные, излучающие какой-то внутренний свет. Заинтересованно вслушиваюсь:

– На Крайнем Севере, где я работал в прошлом году, небо изумительно красивое. Погода там капризная: с утра солнце светит, а часа через два бурлят наверху тучи, льет дождь, затем – снова солнце, голубизна, нежность.

Я поражена – вчера рубил дерево и смеялся над моей сентиментальностью, когда я сожалела о загубленной березке, а здесь облаками любитесь и вспоминает про северные красоты. Что же с ним сегодня-то произошло? Виктор, словно прочитав мои мысли, продолжил:

– Ты вот меня вчера за дерево ругала. Думаешь, мне самому не жалко? Я лес люблю – в тайге вырос. Дерево согреет, накормит и напоит. И часто у меня возникает такое ощущение, что оно, как и мы, является живым существом, способным переживать, понимать, советовать. Но слово «надо» все чувства съедает. Становишься варваром по отношению к глубоко любимым вещам. Рубил вчера, завтра тоже буду рубить, а сегодня – не смогу. Состояние, подобное сегодняшнему, я называю просто: накатывает. Хотя иногда возникает мысль, что именно оно является сутью моей природы.

В тот момент он был по-настоящему красивым, и я очень удивилась, увидев его таким. Но и растерялась от неожиданности, не зная, как отреагировать... Я сегодня уже сама смеялась над своей вчерашней жалостью, даже сердилась мысленно на себя за нее:

– Подумаешь, береза – из дерева дома строят, дровами печки топят, а она о березке плачет, которая закрывала видимость на ориентирный пункт. Если здраво рассуждать, то смешно.

Но Виктор говорит о дереве как о живом существе. А это так сходно с моим вчерашним настроением:

И лишь в одном виновна ты,
Что оказалась на дороге.
Не стало светлой красоты
Березки – нежной недотроги.

Подруга милая твоя
Росла немного поправее.
Себя случайно сохраняя,
Дрожала вся – тебя жалея.

Зловещим был закат тогда,
Налились кровью облака.
Наутро подул ветер сильный —
Принес на лес он дождь обильный...

Но не пила березка воду,
Была мертва уж недотрога.

Вчера я тоже эту березу чувствовала живой и ранимой. Сейчас все забылось, прошло, и кажется необычным настроением Виктора, удивительно похожее на мое вчерашнее состояние. Странно и грустно: день назад он смеялся надо мной, сегодня я не отвечаю на его откровение, не зная, что сказать. И так, наверное, будет весь полевой сезон, потому что в любом случае сентиментальность – это слабость, а слабым в тайге опасно быть. Увы, на том этапе я рассуждала таким образом, явно путая понятия разумной целесообразности и обычной лени.

Когда Виктор устает или хочет спать, то глаза его сужаются, он начинает часто-часто моргать и становится похожим на добродушного ребенка.

Как-то рассказал мне про семью. Свою жену он знал с детства. Она была его соседкой в поселке. Девчонка – заметная, красивая, светловолосая, голубоглазая, училась хорошо, а он – драчун и хулиган. Но прикипели друг к другу, дружили. Он всегда провожал ее в школу и со школы. Она превратилась в красивую статную девушку. Ее родители были против их свадьбы, но упрямый Виктор добился своего.

Относительно внешности своей жены он не преувеличивал. Она как-то приезжала в нашу бригаду, когда мы стояли в одной деревне на берегу озера. Действительно, внешне очень интересная, с модной стрижкой, к лицу одетая, в рассвете красоты, сил и здоровья. Она в мгновение ока преобразила Виктора: он помылся, причесался, переоделся, глаза раскрылись и засияли, как тогда, когда он рассказывал мне о Крайнем Севере. Наверное, любовь, а без нее и свет не мил.

В первый момент, когда увидела Виктора, я дала ему двадцать пять лет – ровно столько, сколько есть на самом деле, но сейчас он кажется мне намного старше. Я не удивилась бы, узнав, что ему все тридцать пять.

Среди других исполнителей партии Виктор – свой в доску: все знают, что он всегда поможет и выручит. Впрочем, во всей партии так заведено: исполнители открыто делятся своими профессиональными хитростями, материалами, уважают за качество выполненных работ и с презрением относятся к халтурщикам как нарушившим неписанный закон чести геодезиста.

Допущенный брак в работе по незнанию прощают и с удовольствием подскажут, как быстрее исправить, но сознательную небрежность и халтуру – никогда. Рвачи тоже не пользуются уважением.

Была однажды свидетелем живой встречи Виктора с бригадой строителей, проезжавшей на машине мимо нашего пункта, находившегося недалеко от дороги. Конечно, строители притормозили и с радостными воплями высыпали из машины. Исполнители обнялись с приветственными возгласами:

– Витька!

– Славка!

– Как ты здесь?

– Да ничего, работаю помаленьку. А ты как?

– Кончил уже. На базу партии возвращаюсь за новым заданием.

– Жрать хотите?

– Если есть что-нибудь, давай, а если нет, не надо. Ждать, когда сварится, некогда. Нужно засветло добраться. Давай лучше о деле потолкуем. Чего ты там по рации говорил про ориентиры?

– А, давай, давай. Замучился я с ними. Часа три на поиски трачу. В лесу еще ничего – просеки сразу видны, а в чистом поле, как здесь, ходим на все 360 градусов. Дирекционные углы мне нужны на них – у тебя должны быть.

Хитрые Славкины глаза щурятся – сейчас засмеется. И верно:

– Ха-ха-ха!

Молодой здоровый смех заразительно раздается в воздухе. Смеются уже все строители, гогочут громко, беззлобно, от широты души. Помогут, ясно, помогут: есть у них дирекционные углы!

– Бутылку, бутылку с тебя, – приговаривает сквозь смех Слава.

Затем деловито вытаскивает из полевой сумки рабочую тетрадь, начинает диктовать нужные наблюдателям цифры. Виктор записывает.

Тем временем рабочие обступили меня, помощницу. Похоже, что моя опрятная чистота им не внушает доверия:

– Надоело, наверное, в тайге? Комары, холодно, ни кино, ни бани. Часто плачешь?

Сыплют вопросами, а ответы даже не слушают. Чего их слушать, когда с первого взгляда все ясно?

Дядя Вася, самый старший из строителей, стоит в сторонке и какое-то время молча изучает меня, а затем тихо говорит соседу:

– Не повезло, видно, Витьке. Дали в помощники кралю с института: цифры только записывает да вычисляет. Ни лопаты, ни топора в руках держать не умеет. Рабочий – тоже хилый.

Дядя Вася много лет трудится на полевых работах в экспедиции. В городе – горький пьяница, в тайге – незаменимый работник, золотые руки, надежный человек, отзывчивая душа. Многие геодезисты именно с «дядями Васями» предпочитают работать в тайге, а не с ничего не умеющими молодыми трезвыми романтиками. Наш конкретный дядя Вася знает себе таежную цену.

Слава кончил диктовать, произнес несколько виновато, уже вставая:

– Ну, я поехал, тороплюсь, извини. Даже поесть у тебя некогда, бывай.

Крепко жмет Виктору руку, затем – мне, рабочему. При пожатии заметил на моей ладони мозоли, понял, что здесь мне пришлось познакомиться и с лопатой, и с топором, посмотрел с сочувствием и сказал:

– Извини, что без цветов, в следующий раз обязательно привезу.

– Если еще представится этот следующий раз. – с сомнением добавил Виктор.

– Братцы, по коням! – скомандовал Вячеслав своей бригаде.

Машина заурчала, тронулись.

Я взяла лопату и пошла на ориентирный: из-за отсутствия еще одного рабочего в бригаде откопка центра ориентирного пункта стала моей прямой обязанностью. Научилась копать – справлялась, но топор мне не поддался, здесь я осталась кралей, по образному выражению дяди Васи. Кстати, он во мне потом тоже признал своего человека. Извинялся по рации через Вячеслава, сожалея, что при встрече даже слова ласкового не сказал. Тоже обещал в следующий раз привезти цветы, но следующего раза не случилось – со строителями мы больше не встречались.

Димка – еще один член нашей бригады: готовит еду и ухаживает за лошадьми. Ему столько же лет, что и мне. Его я видела только обычным и злым. Пока он меня ничем не заинтересовал. Правда, однажды, всего на две-три минуты, лицо его было задумчивым, углубленным в себя... И ест он как-то робко, совсем по-детски, словно стесняется, и с ним можно поиграть в футбол, волейбол и попрыгать на скакалке.

Мы тогда работали на лошадях: кобыле и мерине. Мерин – покладистый, добродушный, рыжий; кобыла – черная, своенравная, себе на уме. Однажды она на подъеме упала. Мужчины встревожились, быстро ее распрягли, дали отдохнуть. Поклажу дотянул наверх один мерин. С тех пор кобыла стала падать на всех подъемах.

Уход за лошадьми и управление ими входило в Димкины обязанности. Конечно, он все это делал неумело и злился. Кобыла его не слушалась. Он ее беспощадно бил, с удовольствием, с расчетом. Часто он мне бывал неприятен в своей безжалостной злобе к незащищенному живому существу и надоедлив назойливостью. Самый первый раз на внешность он мне показался совсем другим, чем когда узнала поближе.

Димка мне много нервов потрепал. Особенно донимал своей страстью к матам, которые он использовал для связки слов. Парни у нас в группе не матерились. Дома я тоже не слышала ничего подобного, и поэтому сквернословие рабочего я восприняла как неуважение к себе, оскорбление. Моя реакция его забавляла, и с каждым днем он все больше нагел и изощрялся в нецензурных выражениях. Хвастался, что знает с местными городскими бандюганами, а в экспедицию подался только для того, чтобы скрыться от правоохранительных органов по одному дельцу. Похоже, не врал, впрочем, кто его знает.

Но с матами я его все-таки победила, объявив голодовку: дня три не пила – не ела. Работала как обычно, только к пище не прикасалась. Неожиданно это сильно подействовало на Димку: он заметался между мной и Виктором с воплями, что все равно будет материться и пусть она прекращает заниматься ерундой. Однако к концу третьего дня притих, пробурчал мне, что больше не будет, и стал действительно следить за своей речью. И к лошадям начал относиться вроде бы более дружелюбно. Но после этого случая я стала с недоверием относиться и к рабочему, и к Виктору. В полевой бригаде очень многое зависит от руководителя. А в данном вопросе Виктор достоинствами не блеснул.

Еще сохранилось в моей памяти наше путешествие на лошадях в Новосибирске. Объект, где тогда мы работали, находился на двух сторонах реки Оби. После того, как все пункты на одной стороне реки были отнаблюдены, у нас возникла необходимость переправиться вместе с гужевым транспортом на другой берег, что оказалось возможным только по городскому Новосибирскому мосту, расположенному почти в центре столицы Сибири. Решили двигаться ночью, когда машин меньше, понимая, что придется пробираться к мосту если не по самому Красному проспекту, то по ближайшим к нему улицам.

Хорошо помню нарядную, веселую молодежь, возвращающуюся из парков, кафе, с танцев, пытающуюся поймать такси, так как городской транспорт уже не работал, и мы – на лошадях, запряженных в телегу, с поклажей, накрытой брезентом, в штормовках, сапогах, только без накомарников. Конечно, в центре внимания наш чудо-транспорт в большом городе. Молодежь веселится, демонстративно поднимает руку перед нашей телегой, кричит:

– Такси! Такси! Подбросьте.

Как-то стало грустно от такого контраста. Захотелось тоже нарядиться в платье, туфельки и весело ловить такси... Все-таки справились, проехали мост, центр и свернули на темную улочку. Милиция нигде не задержала. Но в одном месте нарвались на ссору между мужчиной и женщиной, громко ругающихся прямо на улице. Затем мужчина начал драться. Никогда не забуду, как Виктор хлестнул лошадей (в Новосибирске правил он, а не Димка), и мы промчались мимо, а рабочий еще противно хохотнул, сказав:

– Правильно, пусть разбираются сами. Наверное, заслужила.

Вот с такой невеселой концовкой мы тогда перебрались на своих колымагах через Новосибирск. А дальше меня ждало еще одно испытание.

Наш участок работ на другом берегу Оби, на который мы с такими приключениями переправились сквозь нарядный город, находился далеко от базы партии. Тайга становилась все глуше и диче, поселки встречались все реже. В одном из глухих таежных селений Виктор решил нанять проводника, чтобы не блуждать в лесных зарослях с лошадьми, а сходить налегке, тем более что на том пункте нам надо было определить только элементы редукции. Он пошел потолковать с народом: может, кто бывал на нужном нам пункте триангуляции, вышке, как именовало его местное население. Виктор это умел. В таких поселках таежники его принимали за своего. Договорился, привел.

Я ожидала увидеть Федосеевского Улукиткана, пусть не эвенка, но этакое опытного таежника. Однако мужики вокруг поселка просто так особо не бродили – никто не знал дорогу к нашей вышке. Виктор привел паренька лет пятнадцати, а может, и младше. Ловкий, загорелый, темноволосый, глаза смышленные-пресмышленные, в голове – навигатор от рождения. На мой удивленный взгляд при виде пацана вместо Улукиткана весело объяснил:

– Так там же малинник знатный и кедрач хороший. Мы с ребятами часто в тех местах бываем. И на вышку вашу лазили много раз, торчит выше деревьев – далеко вокруг с нее видно.

– А что, любой пацан может до нашей вышки уверенно и безошибочно добраться?

– Не знаю, никто, кроме меня, один не ходит. Может, родители не разрешают. Всегда ватагой идут. И меня зовут. А я люблю по тайге ходить. Увидите, какие там кедрач и малинник!

Похоже, что и пацаны усекли, что Сава, наш паренек, – надежный таежный лоцман. Виктор в выборе не ошибся.

Вышли мы втроем, Виктор, Савелий и я, рано утром. Димку оставили на окраине поселка, где еще накануне поставили палатку, с лошадьми и грузом. Он с удовольствием суетился, предвкушая дневной отдых. Ходить Дима не любил. Часто слышали от него поговорку, что «лучше плохо ехать, чем хорошо идти».

Мы с Савелием сразу подружились. Какой-то удивительно надежный и приятный паренек, уважительный, внимательный. Мгновенно все верно понял: Виктор – руководитель, я – практикантка, студентка из новосибирского вуза, в котором очень хорошо учат. Своими таежными знаниями абсолютно не бахвалился: вел уверенно и просто, вышли точно к нашему пункту. На мой восхищенный взгляд вообще не обратил внимания, типа, ерунда, каждый так сможет. Виктор так и среагировал. Ничего особенного, потому что оба с навигаторами в голове от рождения.

С работой мы с Виктором справились за часа полтора. Сава с интересом наблюдал за нами. А затем ели малину от пуза. Ягоды спелые-преспелые, вкуснющие-превкуснющие, сладкие-пресладкие! Немного даже набрали с собой. А Савелий уже ловко забрался на кедр, хотя ветки начинались достаточно высоко от земли. Позвал меня, чтобы я подбирала сбрасываемые им шишки. И здесь правильно рассудил: Виктор – старший, руководитель, несолидно, чтобы он шишки собирал. Если бы с нами был Димка, наверное, позвал бы его, а не меня. Вот это пацан – все может! Прямо из песни «Старательский поезд» к нам шагнул: «Умеют расти, в

бессилье не веря, уже с десяти выходят на зверя. И волосом сед, морозцем припудрен, я стану, как все, степенным и мудрым».

Вернулись уже затемно. Димка ужин приготовил. Сава как-то стеснительно заторопился домой, еле уговорили остаться с нами поесть. Ел солидно, без спешки, очень уважительно к хозяевам и повару. Дима под его влиянием как-то тоже стал лучше себя вести: не ерничал, не кривлялся, не отпускал глупые шутки. Савелий без дела не болтал, говорил только тогда, когда к нему обращались: толково и рассудительно. Малину и шишки оставил у нас, сказав, что нам некогда собирать, а он еще сгоняет и наберет. Предупредил, что шишки еще незрелые, смолянистые – их лучше сварить, а потом уже доставать орехи. Виктор, конечно, это знал, но слушал, не перебивая. Сава как-то на всех нас очень положительно повлиял.

Рано утром мы уехали, больше с Савелием я никогда не встречалась. Встречи-расставания, часто навсегда-одна из грустных сторон геодезии. Хорошо, что душа откликается и эмоциональная память хранит хорошие моменты долго и цепко. Даже через много лет вдруг что-нибудь напомним о давно ушедших событиях, и всплывают картинки перед глазами вместе с добрыми чувствами, словно все было только вчера. Душа развивается от таких встреч и бережно хранит в памяти.

Объект нашей бригады был самый дальний от базы партии, и с каждым днем мы все больше отдалялись от нее. Настал день, когда связь по радиации с центром оборвалась, так как «Недра» не была рассчитана на такие расстояния. Руководство партии это знало и назначило нам контрольный срок для выхода в эфир на одном из пунктов, расположенном уже вне зоны молчания. Но по иронии судьбы именно здесь, на оторванной от базы партии территории, у нас начались профессиональные разногласия с Виктором. До этого мы занимались только привязкой вновь заложённых ориентирных пунктов. А сейчас, согласно плану работ, нам необходимо было произвести угловые измерения на пунктах триангуляции второго и третьего классов по полной программе наблюдений.

Сначала все шло по плану: вовремя добрались до нужного пункта триангуляционной сети, по конструкции – сложного сигнала, обустроились; с рабочим отыскивали ориентирные пункты, вынесли их центры, измерили расстояния. Виктор тем временем забрался с теодолитом на площадку для наблюдателя, установил на столике сигнала прибор, привел в рабочее положение, отыскал нужные направления, защитил теодолит от солнца с помощью специальной подвижной шторки.

В четыре часа вечера мы уже с ним вместе сидели наверху, выполняя до наступления хорошей вечерней видимости измерение зенитных расстояний и привязку ориентирных пунктов. Вовремя приступили к основной программе наблюдений. Пункт был третьего класса – значит, можно уложиться в одну видимость. Виктор уверенно брал отсчеты по теодолиту. Все складывалось удачно: видимость была хорошей, изображения визирных целей наблюдаемых направлений – слегка колеблющиеся, то есть именно такие, какие любят опытные наблюдатели. Программа получилась с первого раза, все допуски сошлись. Виктор просмотрел сходимость приемов и начал спускаться вниз, оставив на столике инструмент для определения элементов центрировки⁹ и редукации¹⁰. Пошел вместе с рабочим вскрывать центр знака и готовить центрировочный столик.

Я пока осталась наверху: проверила все вычисления, дооформила журнал, уложила рабочие материалы в полевую сумку и, оглянувшись вокруг, залюбовалась тайгой.

Стоял чудный вечер середины августа. Внизу – бескрайнее зеленое море. Верхушки деревьев как-то волнисто колышутся от скользящего по ним ветерка. Трепещут-дрожат осины, отдельно, каждым листочком. Действительно, «тополь дрожащий». Интересно, что внизу,

---

⁹ *Элементы центрировки* – отклонение центра инструмента от центра пункта.

¹⁰ *Элементы редукации* – отклонение центра визирного цилиндра от центра пункта.

среди деревьев, первой красавицей смотрится береза из-за своего белоствольного стана, а сейчас березы явно проигрывают. С высоты площадки для наблюдателя геодезического сигнала их верхушки выглядят какими-то лохматыми, скученными, похожими на банные веники. Зато осины сверху – принцесски, нежные, волнуются каждым листиком, того и гляди зазвенят, чисто и мелодично. Солнце уже на западе, но еще не в закате: небо только начинает розоветь вперемежку с золотыми лучами, но так нежно, что можно перепутать с восходом. На нем – ни облачка, значит, впереди ночь с яркими звездами. Красота – дух захватывает!

Как-то уже со снисходительной улыбкой вспомнила нашу переправу на лошадях по ново-сибирскому мосту и свое тоскливое желание беззаботно повеселиться, нарядившись в платьице и туфельки. Все это в городе быстро наверстается: наряды, театры, музыка, веселые компании – все будет. А именно такая величавая красота природы уже не повторится, если не запечатлеть сейчас ее в душе, не запомнить. Не мыслями, а как-то интуитивно, чувствами осознавалось это.

Вот в таком настроении гармоничного единения с природой спустилась я с пункта триангуляции. Но то, что я увидела внизу, меня повергло в шок! Виктор с рабочим вскрыли верхний центр знака, надежно закрепленный в массивный железобетонный монолит высотой порядка полутора метров, не нарушенный, в хорошем состоянии, вытащили его из ямы вместе с монолитом и уже расчищали нижний, так называемый секретный центр.

Из лекций по высшей геодезии и учебной практики я хорошо знала, что на каждом пункте государственной сети триангуляции закладывают два центра (верхний и нижний), которые должны быть тщательно совмещены между собой. Как правило, все наблюдения привязывают к верхнему центру, нижний закладывается про запас, на случай нарушения верхнего. Я попыталась все это объяснить, но Виктор не слушал, называя меня теоретиком без практических навыков.

Оказывается, в его практике был случай недопустимых невязок треугольников сети, то есть отклонений сумм измеренных углов от 180 градусов согласно теории, из-за нарушения верхнего центра, которые были устранены после приведения результатов измерений к нижнему центру.

– Я тебе докажу, что прав, когда замкнем треугольники и подсчитаем невязки, – бросил мне мой руководитель.

На это я ответила бессмысленной с точки зрения Виктора репликой:

– В данном случае к невязкам это не имеет никакого отношения, так как элементы приведения¹¹ на пункте будут определены относительно секретного центра, но нарушать верхний центр, находящийся в хорошем состоянии, ни в коем случае нельзя!

Виктор только пренебрежительно хмыкнул. Димон радостно подхихикнул. Разрешить наш спор было некому: до возобновления радиосвязи с базой партии нам предстояло отнаблюдать еще три пункта триангуляции, центры которых были также варварски нарушены.

Как только связь с базой партии восстановилась, я все сообщила руководству. Странно, но Виктор настолько был уверен в своей правоте, что даже не счел нужным поговорить об этом с начальником партии до меня. Он ему просто отрапортовал, что работа идет по плану, затем небрежно добавил, что здесь у практикантки есть какие-то вопросы, и передал мне рацию. Начальник партии выслушал меня и попросил Виктора. Ему он приказал ждать его приезда и на этом пункте ничего не делать.

Назавтра начальник партии приехал с новым помощником, из работников экспедиции, о чем-то долго без свидетелей говорил с Виктором, а мне предложил перейти в астрономическую бригаду, руководителем которой является вернувшийся с северного объекта опытный астроном предприятия, мотивируя тем, что я учусь на отделении астрономо-геодезия и астрономическая практика мне будет очень кстати. Похоже, я все-таки повзрослела за эти два с

---

¹¹ *Элементы приведения* – это элементы центрировки + элементы редукции.

половиной месяца полевой жизни, так как безошибочно поняла позицию руководителя партии, не желающего выносить сор из избы. Наверное, в журналах пометят, что верхние центры были нарушены и наблюдения приведены к нижним секретным центрам. В сущности, так оно и есть, если не вдаваться в подробности.

Переход в другую бригаду меня устраивал. Собрала вещи, передала материалы новому помощнику, чтобы на следующий день отправиться на базу партии для встречи с новой бригадой.

Первая часть моего знакомства с людьми в полевых геодезических бригадах, формирующихся по случайному принципу, закончилась. Мне трудновато пришлось здесь, тем не менее было очень грустно прощаться. Моя правота нисколько не радовала меня. Я ведь тоже не ангел. Неожиданно вспомнился наш общий, мой, Виктор и Димки, постыдный поступок.

Однажды в тайге мы наткнулись на пасеку, без сторожа, без хозяина, но с ульями и медом. Хозяин, видимо, жил где-то в поселке и периодически навещался. На момент нашего случайного прибытия на пасеку на ней никого не было, даже пчел, чтобы помешать нам похозяйничать. Наверное, улетели добывать мед. И мы украли одну рамку с сотами, полными меда. Отъехали и стали есть его прямо из сот, отламывая восковые кусочки. Такого вкусного меда я никогда в жизни не пробовала.

Ели и почему-то дружно хохотали. На нас напал тогда какой-то дурацкий смех. Мы все вдруг одинаково опустили, поглупели, забыли о заповеди «не укради», забыли о раскаянии, забыли о человеке, который ухаживает за этими пчелами. Мы стоворились своровать, открыли друг в друге способность к воровству, каждый стал ниже в глазах другого, хотя и сам не возвысился в собственном мнении, и радовались этому открытию.

Ум людей лукав и изворотлив. В своих мыслях человек способен и воровать, и убивать, и обманывать. Он подозревает, но твердо не знает, что это удел каждого, и боится оказаться хуже или подлее других. А когда открывает плохое и в окружающих, то это начинает почему-то радовать и его. Только чистое сердце и сильный дух могут защитить людей от дурного.

И вот я уезжала, но, видимо, какая-то частица души оставалась на прежнем месте, и больно было расставаться с ней. Грустно смотрелись и лошади, особенно оказавшаяся неожиданно для всех нас на сносках своенравная кобыла. За астрономической бригадой, куда я перешла, был закреплен вездеход – астроном из предприятия не стал бы работать на лошадях. На севере он привык к вертолетам, здесь ему дали вездеход. С машинами легче управляться, чем с лошадьми, живыми существами со своими привычками и характером. Как все живое на Земле, они нуждаются в любви, которую надо уметь дать и заслужить. Лошадь должна быть не только видом транспорта или тягловой силой, но и другом, что требует мудрости и сноровки.

В бригаде наблюдателей никто из нас не умел дружить с лошадьми, и они всегда выглядели очень невесело, хотя кормили и поили их исправно, но как-то механически, без эмоций, а кобылу Димка еще и бил. В отличие от нас, тот таежный проводник Сава как-то сразу среагировал на наших бригадных лошадок, подошел к ним, ласково потрепал, погладил, чем-то угостил. И они благодарно откликнулись. Я же их боялась и никогда не подходила, Виктор был равнодушен, хотя и обладал необходимыми практическими навыками использования лошадей: мог запрячь, распрячь, стреножить, сесть за вожжи. Димка тоже откуда-то имел такие навыки, но часто злился, вымещая на кобыле неудовлетворенность своей собственной жизнью. Может, ему самому часто перепало от родителей и друзей? Не знаю.

Что чувствовали Виктор и Димка, расставаясь со мной, точно сказать не могу. Наверное, облегчение, но и грусть тоже. Все-таки два с половиной месяца делали общую работу, питались из одного котла и жили в одной палатке. Конечно, такой быт в комплексе с раздольем и красотой снаружи делают человеческие отношения внешне проще, а поведение людей более естественным. Я не припомню случаев проявления чванливости и высокомерия в полевых условиях, в тайге или горах. Здесь нельзя пустить пыль в глаза, прикрыться красивой одеждой,

похвастаться деньгами, так как продукты нам, как правило, привозят с базы партии, и деньги, пусть временно, только на полевой сезон, теряют значимость... И вот сейчас мы расставались, как оказалось, навсегда. Даже на базе партии наши пути не пересеклись. А потом моя практика закончилась, и я вернулась в Новосибирск.

Отдаляясь от своей первой бригады, я пока мыслями была с ней. Встрепенулась уже во дворе базы, осознав, что сейчас меня будут знакомить с новым полевым подразделением и новыми людьми, с которыми мне предстоит какое-то время близко соприкоснуться: вместе работать и вместе жить. Кто эти люди и как они меня примут?

1.2. Астрономическая бригада

Но все получилось проще, так как новая бригада меня уже ждала. Это руководитель Эдуард Семёнович и водитель вездехода Роман, который по совместительству выполнял также обязанности рабочего. Позднее узнала, что Романом он стал по собственной инициативе, ибо родители ему дали имя Рев, в честь революции. У него и сестра была Демокрина. Но, став совершеннолетними, они вместе решили покончить с революционным прошлым своих предков: сестра взяла себе имя Дина, а он стал Романом.

Астроном и вездеходчик подошли сразу, как только мы остановились, приветливо улыбаясь. Поздоровались за руки, как принято в геодезии, с начальником партии, водителем, мной. Мне помогли выгрузить свои вещи, обустроиться. Впечатление было приятным, хотя я понимала, что настоящее узнавание друг друга еще впереди.

Начальник партии, Белых Иван Григорьевич, пригласил нас с Эдуардом Семёновичем к себе вечером на ужин, после которого намечалась игра в преферанс. Похоже, что в свете последних событий он выделил меня среди других практикантов, так как раньше этого не случилось. Нет худа без добра – попробую в нерабочей обстановке оформить свое первое впечатление о новом руководителе.

Эдуард Семёнович – мужчина тридцати пяти лет, довольно солидной комплекции. При первой встрече с ним мне бросились в глаза его зубы, очень белые, очень крупные, уж как-то слишком охотно оголяющиеся. Показалось, что он прихрамывает, но в дальнейшем я этого не замечала. За ужином рассказывал о севере, астронаблюдениях¹² на пунктах Лапласа¹³, то есть по полной программе с определением астрономических широт, долгот и азимутов. Обращаясь ко мне, заметил, что здесь мы будем заниматься только определением азимута на ориентирные пункты по упрощенной программе наблюдений. Главное, чтобы Полярная была видна. Упомянул вскользь о помощнике в своей прежней бригаде, на севере, тоже студенте-практиканте из нашей же альма-матер. Это был парень из параллельной со мной группы.

Когда играли в карты, я спросила у Эдуарда Семёновича, дали ли ему в предприятии хронометр; спросила скорее из вежливости, чтобы не молчать или же показать, что мы уже проходили полевую учебную практику по астрономии и я более-менее готова к предстоящей работе. Он в ответ рассмеялся и сказал как-то грубовато-снисходительно, что у него есть личный хронометр, сказал так, будто я задала глупый вопрос. Наверное, так оно и было, но мог бы и пощадить самолюбие девчонки, впервые попавшей на равных условиях во взрослую компанию профессионалов-геодезистов. Он почувствовал мою неловкость, сказав, что о работе поговорим завтра.

Играл он без азарта и все время предлагал пойти спать, говоря при этом, что я очень устала после трудового дня и мне нужно отдохнуть. Я тогда подумала, что Эдуард Семёнович сам, наверное, хочет спать или просто испытывает неловкость в компании с малознакомыми людьми, центром внимания которой его сделал начальник партии, так как астрономы в то время были элитой в геодезии, и он хотел поскорее избавиться от этой неловкости. Хотя, возможно, мой новый руководитель просто формально проявлял заботу обо мне как о своей будущей помощнице. В общем, догадок много, но все сводилось к тому, что в то первое впечатление я не поверила в его искренность.

---

¹² *Астронаблюдения* – астрономические наблюдения за звездами с целью определения астрономических координат и азимутов.

¹³ *Пункт Лапласа* – астрономический пункт в государственной сети триангуляции, для которого определяют астрономическую широту, астрономическую долготу и астрономический азимут на земной предмет, как правило, соседний с ним пункт сети триангуляции.

С работой я должна была справиться, а вот вопрос быта и будущих взаимоотношений в новой бригаде меня беспокоил, так как и я, и Роман со своим вездеходом только здесь оказались в составе астрономической бригады, подобранной опять же по случайному принципу. Опыт далеко не безоблачных взаимоотношений в прежнем коллективе делал меня несколько настороженной.

Но опасения оказались преувеличенными. Мужчины вели себя дружелюбно, внимательно, с уважением. Это как в поезде дальнего следования, когда случайно оказавшиеся в купе люди в вынужденной тесноте как-то приспособливаются друг к другу и сосуществуют вместе до окончания поездки, а затем прощаются – с радостью или сожалением. Немаловажным был и тот факт, что средний возраст новой бригады оказался лет на десять выше, чем бригады наблюдателей.

Роман возился с вездеходом, у него что-то там стучало. Откапывать ориентирные и выносить центры мужчины взяли на себя. Я занималась записью результатов наблюдений и их математической обработкой. Но вычисления Эдуард Семёнович мне доверил не сразу. Он привык все делать сам, считая, что так надежнее. Прежний помощник у него только записывал данные астрономических измерений в журнал и ложился спать. По всей видимости, такой подход устраивал обоих. Но я захотела сама выполнять всю математическую обработку, считая, что это обязанность помощника. Эдуард Семёнович сначала не согласился. Тогда я предложила ему, что будем вычислять вдвоем, в две руки, как говорят в геодезии, а затем сверимся. На том и сошлись. У меня все получилось. Через несколько пунктов Эдуард Семёнович мне полностью доверил вычисления, сказав при этом радостно-уважительно и удивленно, больше обращаясь к Роману, но чтобы слышала и я:

– Ничего себе, отобрала у меня вычисления! Такое в моей практике впервые. Прежний мой помощник никогда ничего не вычислял. Записывал и ложился спать. Да и остальные тоже.

Я понимала, что Эдуард Семёнович ни разу и не предлагал ему это сделать, – не хотелось учить, подсказывать, контролировать. В астрономии довольно сложные вычисления, хотя и на каждом шагу есть контроли. На вычислениях, как и на астронаблюдениях, он уже набил руку до автоматизма и поступал так, как проще для себя и быстрее для работы. Мне, по всей видимости, действительно хотелось получить максимум практических навыков от производственной практики. На наблюдения по звездам с прибором я не претендовала, так как здесь мне потребовалось бы еще учиться, учиться и учиться. На мое обучение просто не было времени – план поджимал. А вот освоение вычислений на продвиг в работе не мешало, а после – даже способствовало. Наш заработок исчислялся по сдельной системе оплаты труда, и с этой стороны слаженная работа в бригаде всех устраивала.

Да и микроклимат в коллективе практически сразу сложился: трудились дружно, каждый знал свое дело, общались естественно и уважительно, соблюдая личные границы. Роман вставал раньше всех, готовил завтрак. Я, выспавшись после ночной работы, выходила на небольшую пробежку и делала зарядку. Мужчины спокойно ждали, чтобы поесть в полном составе. Если следующий пункт располагался близко, а ночь предвещала быть звездной, то они уже начинали потихоньку укладываться, готовясь к переезду, или шли восстанавливать наружное оформление центров. Мы как-то легко приноровились друг к другу. Совместные трапезы проходили весело и непринужденно.

Геодезия, да и другие близкие к природе бродячие профессии, способствуют естественности и простоте взаимоотношений оказавшихся вместе людей. Это очень выручает. Достаточно развитые в культурном плане члены полевых бригад, сформированных даже по случайному принципу, быстро усваивают между собой безобидные привычки каждого и приспособливаются к ним.

Здесь многое определяется руководителем бригады. Если работа идет успешно и заработок приличный, то работяги, а у нивелировщиков и топографов бригады более многочислен-

ные, будут согласны петь ему колыбельную на ночь и переносить на руках, не то что выполнить его просьбу не сквернословить.

Конечно, не все так просто, и мне придется привести еще другие примеры, потому что внутренняя культура человека зависит не от образованности и социального положения, а от личностного духовного развития, генов, воспитания, семейных традиций, способности откликаться и сопереживать другому человеку. Так называемый БИЧ (бывший или будущий интеллигентный человек, а по совместительству – еще и свободный человек) в таежных безалкогольных условиях сухого закона оборачивался зачастую очень интересным, знающим и надежным человеком, и горько было встретить его в городе потом, спустя какое-то время после возвращения из тайги, в прежнем обличье – пьяным, грязным, опустившимся. Душа сжималась при виде такого падения от сознания, что в минуты краткого отрезвления он невыносимо страдает и заливают боль водкой.

Как же я понимаю сейчас сочувствие гениального поэта Бориса Рыжего к этим людям, возможно, кого-то из числа падших ангелов, мечтающего в своих стихах стать музыкантом и охранять их сон.

Руководитель, безусловно, первая скрипка в бригаде. И о нем я еще расскажу. Но наш Роман, вездеходчик и рабочий в одном лице, очень способствовал благоприятной психологической атмосфере в коллективе. Ответственный, трудолюбивый, спокойный и очень дружелюбный Роман, имя которого Эдуарду Семёновичу нравилось обыгрывать (иногда он в шутку называл его «Роман в стихах», делая ударение на первом слоге имени), продолжал беспокоиться, что в вездеходе что-то стучало. Возился, разбирал мотор и понял, что очень скоро какой-то важный подшипник полетит и мы встанем. Сообщили на базу партии – обещали помочь, но не сразу, придется ждать. Тогда Роман, согласовав с руководителем бригады, пошел пешком в близлежащий таежный поселок сам добывать этот злосчастный подшипник. Но так совпало, что именно в день его отсутствия к нам в бригаду нагрянул с контролем заместитель главного инженера экспедиции по технике безопасности. Оказалось, что водитель не имеет права оставлять вездеход без разрешения руководства партии. Ушел, не поставив в известность начальника партии, да еще один, что тоже не положено в таежных условиях. Случилась у них по этому поводу какая-то разборка с Эдуардом Семёновичем.

Вообще-то в экспедициях всегда с некоторой иронией относились к руководителям по технике безопасности. Профессионалы поговаривали, что эту должность, как правило, занимают люди, у которых не получается работать в поле ни в геодезии, ни в топографии. Не из-за глупости или отсутствия знаний, а просто глаз не тот, нет чуйки на погоду, рельеф. Теоретически всё знают, а поставь к инструменту – ничего не получится. Бывалые, особенно заслуженные, геодезисты и топографы всегда подсмеивались над руководителями по технике безопасности, по широте души безобидно и беззлобно. Последние это знали и при случае не оставались в долгу. Они ведь, как правило, были не только неглупыми, но и хитрыми, во всяком случае, хитрее знающих себе цену профессионалов-зубоскалов, и отвечали им согласно инструкции, то есть на контроле могли придрасться.

Но здесь была другая ситуация. Инспектирующий явно ехал к нам как в образцовую бригаду, выполняющую несколько необычную для экспедиции работу, а столкнулся вдруг с серьезным нарушением его инструкций по технике безопасности. Он решил остаться у нас и ждать возвращения вездеходчика.

Роман вернулся к вечеру, очень усталый; принес подшипники, положив их как-то скромно, даже незаметно. Инспектор заикнулся было читать ему нравоучения, но посмотрел на утомленного Романа и замолчал. Мы все понимали, как трудно ему достались эти подшипники. За ужином Роман рассказал, что выручил местный тракторист. У них в МТС лишних подшипников не оказалось, но тракторист на мотоцикле свозил Романа в соседний поселок – там и помогли. Таежные жители, как правило, хорошо относятся к людям, идущим по свету в

силу своей профессии, геодезистам, геологам, геофизикам, называя всех нас геологами. Благодаря энтузиазму Романа мы уже на следующий день стали мобильными и мчались на новый пункт согласно техническому заданию.

Но возможное ЧП, связанное с Романом, нас все-таки подстерегало впереди. Это произошло уже значительно позже, перед самым выездом с поля, практически в конце сезона, но расскажу сейчас, чтобы показать, что, хотя без самостоятельных решений полевая геодезия немислима и их приходится принимать на каждом шагу, все же правила по технике безопасности тоже не дураки писали.

Мы тогда устроили себе небольшую передышку в работе в одном из таежных поселков. Договорились с баней, которую хозяин очень умело истопил, проветрил, даже заварил душистые веники. Я помылась первая, перекинулась парой слов с хозяйкой, хлопотавшей с угощением, о чудесной в этом году осени, деревенских осенних заботах и почти сразу же ушла спать, зная, что мужчины будут щедро расплачиваться за баню и долго толковать с хозяином про жизнь за рюмкой чая. Так и случилось.

Но утром все поднялись рано, как условились, чтобы быть готовыми к предстоящей звездной ночи, быстро собрались и по возможности бодро отправились на наш последний пункт, который находился уже недалеко от базы партии и до которого мы могли бы и не добраться живыми. Вот как все произошло.

Не выспавшийся Эдуард Семёнович расстелил спальник в кузове вездехода и решил поспать в пути до работы. Я села в кабину рядом с Романом, и мы благополучно тронулись. Все шло хорошо. Мы ехали по широкой улучшенной грунтовой дороге, почти шоссе по меркам малонаселенной местности, совсем одни, так как время было довольно раннее для выходного дня. Пункт располагался недалеко от нашей дороги – заблудиться было невозможно.

Стоял погожий осенний день конца сибирского бабьего лета. Смешанный лес вокруг был разноцветный, нарядный. Зелень хвойных деревьев смотрелась всего лишь нейтральным фоном. Глаз останавливался на ярком золоте берез, трепете красно-оранжевых листьев осин, уже приготовившихся к скорому опадению, рябиновом багрянце. Голубизна абсолютно безоблачного неба подчеркивала окружающую роскошь природы, но уже с элементами грусти, так как за осенью неминуемо наступит сибирская зима, со снегом, стужей, льдом. Совсем скоро оголятся лиственные деревья и небо посереет. Как-то под настроение сложились строчки.

Люблю осеннее свечение:
В небесном фоне – лист золотой.
Ту красоту, что как спасенье
Нам предсказал мудрец земной.

Люблю достоинство природы:
В предсмертный час – нарядный бал.
Берез щемящую породу,
И боль, и чувств высоких шквал.

Склонюсь пред осени красою,
Приняв гармонию цветов.
И вдруг пойму, что нам с тобою
Вдвоем не видеть этих снов.

Умиротворенная и покоренная величаво-печальным осенним великолепием, находясь мысленно далеко от реальной ситуации, я вдруг почувствовала что-то неладное с вездеходом. Взглянула на Романа и увидела, что он уснул. Без всякого предупреждения в виде зевоты или

других признаков сна, Роман в мгновение ока провалился в сон. Я не знала, что такое вообще возможно. Вездеход ехал, а водитель крепко спал. Впереди был мост через реку, а Роман на мои попытки разбудить его никак не реагировал. Мост приближался – Роман не просыпался. Секунды все решали, и надо было что-то делать. Я лихорадочно думала, проклиная свое равнодушие к вождению и управлению транспортом. Глаз упал на рычажок с надписью «зажигание». Подсознательно мелькнула мысль о важности этого рычажка, рука сама потянулась, и я опустила его вниз. О боже! Вездеход мгновенно остановился. До моста оставалось метров двадцать, но мы бы, наверное, уже не доехали, так как неуправляемая машина начала косить вбок от него, в сторону крутого склона. Не знаю, куда лучше было бы лететь на вездеходе: под откос или с моста в воду? Для меня, наверное, все-таки под откос. Плавать люблю, но, когда нахожусь в транспорте, а внизу вода, почему-то испытываю страх. В самолете боюсь летать над морями и океанами – читаю про себя молитву.

Удивительно, но Роман проснулся буквально через секунду после остановки вездехода. Я такое наблюдала впервые. Он ошарашенно спросил, почему стоим. Осознав, что уснул за рулем, виновато молчал. Здесь и Эдуард Семёнович проснулся и высунулся из кузова. Все понял мгновенно. Пересел в кабину рядом с водителем. Стал громко разговаривать с ним, чтобы растормошить. Роман взбодрился, завел вездеход. Пункт был практически сразу за мостом, на расстоянии не более километра. Доехали без приключений. До звезд успели сделать всю подготовительную работу. Затем отнаблюдали Полярную и выполнили необходимые вычисления.

Я все делала на автомате, молча. Мужчины связали мое необычное поведение со случившимся. Меня хвалили, что не растерялась, успокаивали, рассказывали забавные случаи, комически изображали себя спящими, предлагали свежесваренный чай из колодезной воды, набранной в поселке, с таежными травами, пытаюсь вывести из этого, как им казалось, состояния оцепенения от пережитого страха. Но зря они так волновались. Я даже не успела испугаться. Внутренне меня больше поразило совпадение времени глубокого осознания мной предсмертного величия природы и возможности реальной катастрофы. Чертовщина какая-то, которую я, конечно же, вразумительно никому бы не сумела объяснить. Легче было согласиться, что испугалась.

Повторюсь, что описанный случай произошел уже в конце полевого сезона. Вставила немного раньше, чтобы завершить портрет Романа и начать более подробно рассказывать о руководителе нашей астрономической бригады, который и в личном, и в профессиональном плане меня тогда очень заинтересовал.

С Эдуардом Семёновичем мы тесно соприкасались не только по работе, но и часто разговаривали на самые разнообразные темы. Простота полевого геодезического быта, замкнутый круг общения, окружающая природа и сознание свободы вообще способствуют проявлению интереса членов бригады друг к другу, что выражается в каких-то вопросах о житье-бытье, рассказах о полевой жизни, своих близких или в произвольных открытых беседах. В этом есть особая прелесть бродячих профессий. В городе мы намного равнодушнее и нервнее в общении; наверное, из-за неизбежной суеты, спешки, повседневных забот у многих просто не остается ни времени, ни душевных сил интересоваться друг другом.

Однажды мы сидели с руководителем возле костра и беседовали о моде, одежде. В ходе разговора я машинально взглянула на свои руки и увидела, что они у меня стали какие-то мозолистые, шершавые и даже в порезах. Сказала между прочим об этом своему собеседнику. Он посмотрел на них и произнес:

– Разве такие руки должны быть у женщины? Нет, они должны быть мягкие, нежные, белые, но никак не в мозолях и порезах. Эх, Галя, Галя, зря ты рвешься в полевую геодезию.

Еще мне вспомнился один случай с ним на эту же тему. В одном из таежных поселков мы ходили в кино и попали на «Двенадцать стульев» с Натальей Крачковской в роли мадам

Грицацовой. Сидевший рядом со мной Эдуард Семёнович просто подпрыгивал от восторга в сценах с ней, произнося:

– Вот какая должна быть женщина! Вот какие у нее должны быть руки!

Я была абсолютно согласна с ним: куда мне до форм и темперамента Натальи Крачковской! Но зато этот момент и почти детский восторг зрелого мужчины от замечательного фильма в деревенском клубе запомнила на всю жизнь.

Из наших бесед я поняла, что мой руководитель-астроном хорошо разбирается в людях, но при этом он никогда не хвалился и не приукрашивал себя. Наверное, он любил поле за то, что здесь можно вести себя свободно, естественно, не притворяясь. В работе Эдуард Семёнович был строг и профессионален, в быту – естественен, без прикрас и выдумок. Возможно и наверняка, в городе он вел себя по-другому.

Еще я узнала, что Эдуард Семёнович глубоко чувствовал хорошую музыку, особенно серьезную. Именно он научил меня находить в крупном музыкальном произведении главную, ведущую мелодию, его лейтмотив, чтобы лучше понять замысел автора. Оказывается, мой нынешний руководитель был хорошим клавишником, а в студенческие годы даже подрабатывал в ресторане в составе какой-то музыкальной группы. Вспомнил об этом вскользь, как о незначительном эпизоде в жизни. Просто разговор зашел о музыке и танцах в кафе и ресторанах. Эдуард Семёнович как-то пренебрежительно поморщился и сказал, что он эти танцульки хорошо изучил. Кого там интересует музыка и качество исполнения? Приходят беззаботно провести время и завести интрижку.

Хорошее знание людей и жизни, с моей наивной точки зрения, вероятно, давало ему право на некоторые странности. Например, в людях Эдуарду Семёновичу почему-то больше нравилось раскрывать плохие черты, чем хорошие. Открыв плохое в человеке, он начинал радоваться, будто подтверждая какую-то теорию внутри себя. Он и в жизни-то предпочитал обращать внимание на плохое, а не на хорошее. Меня такая черта его характера несколько напрягала. Однажды я даже осмелилась и сказала ему об этом, сама испугавшись своей дерзости и понимая, что он действительно профессионал и людей знает лучше, а я всего лишь студентка-практикантка с множеством белых пятен как в профессии, так и в жизни. По лицу Эдуарда Семёновича тогда пробежала тень неудовольствия от моей дерзости, но лишь на мгновение. Неожиданно он согласился со мной и мирно заметил:

– Что же делать – каждому свое.

В одежде он выглядит гораздо более симпатичным и молодым. Однажды мы ждали машину с продуктами с базы партии. Было довольно жарко, и Эдуард Семёнович, вернувшийся недавно с прохладного севера, решил позагорать. Я обратила внимание на его узкие, какие-то женские плечи и рыхлое тело. Тогда он мне показался смешным. Добавлю еще одну забавную деталь к живому образу моего многоуважаемого руководителя-астронома: он очень любил гусей и свиней, просто приходил в восторг при виде их. Мы с Романом даже подшучивали над этой его слабостью.

Ко мне он прислушивался, в бытовых мелочах всегда уступал. Но один раз и в рабочем моменте согласился со мной, хотя и не сразу, и с оговорками.

На одном из геодезических пунктов мы столкнулись с халтурой строителей: ориентирные оказались заложены на расстоянии 180 метров, тогда как согласно инструкции расстояние от центра знака до ориентирных пунктов должно быть не менее 250 метров. Я настаивала на том, что их нужно перезаложить. Опытный Эдуард Семёнович был категорически против, так как в его техзадание это не входит и он исправлять чужую халтуру не собирается. Я что-то по запальчивости не отступала. На этот раз руководитель разозлился и довольно резко остановил меня, сказав, что это не мое дело и что я слишком разговорилась. Я не сдалась, но решила изменить тактику. Подождала, когда все остыли, подошла к нему и спокойно-ласково попросила:

– Эдуард Семенович, давайте перезаложим ориентирные пункты и оставим после себя безукоризненную работу.

Он сразу согласился, хотя, возможно, ему просто наскучил этот спор. Перезакладывать ориентирные нам не пришлось, так как по описанию, переданному по рации с базы партии, мы отыскивали старые ориентирные пункты, которые строители почему-то не смогли найти, заложенные на нормальном расстоянии и даже с сохранившимися опознавательными столбиками. Всю дальнейшую работу мы выполняли уже с ними.

За ужином Эдуард Семёнович поставил точку в этом споре, и мы больше уже никогда к нему не возвращались. Руководитель сказал, что свою работу он всегда делает хорошо, брака в своей работе ни разу не допускал, но чужую халтуру никогда не исправлял и не будет исправлять, а сегодня уступил только потому, что я девчонка.

Я это и без него понимала и мысленно дала себе слово, что больше никогда по работе не буду навязывать ему свое мнение, – слишком разные у нас с ним в профессиональном плане весовые категории.

Конечно, это был интересный житейски опытный и своеобразный человек. Однажды я даже попыталась позаигрывать с ним. Он понял и мгновенно откликнулся. Но я испугалась, осознав, что здесь он меня сметет не задумываясь. Он с насмешкой спросил:

– Что же ты остановилась?

– Да стыдно как-то. Просто так, без любви.

Он произнес несколько раздраженно:

– Хорошо, что хоть стыд удерживает... Впрочем, даже если и по любви, какой я тебе был бы муж, никакой, как и моей нынешней жене. Меня уже не изменишь.

Опять же он преподнес хороший урок: наши девчоночьи хи-хи – ха-ха в полевой обстановке неуместны.

Вообще в Эдуарде Семёновиче было много от чудака с житейской точки зрения. Он очень любил споры, именно процесс спора, азарт, запальчивость, а не результат. Иногда он специально выдвигал какой-нибудь парадокс, противоречащий собственному мнению, но с пеной у рта отстаивал его перед взбунтовавшимися противниками. Пораженный, в буквальном смысле припертый к стенке, он с удовольствием потирал руки, а глаза хитро блестели.

Чудак-человек, с ним весело и интересно было работать, свободный, творческий, профессионал в своем деле, но далекий от стремления к карьерному росту. Возможно, он видел свое предназначение в другом, может быть, в музыке, не знаю. Он никогда на эту тему не говорил, но в моей душе оставил свой след, запомнился. Сейчас пишу о нем и представляю весь его облик, живые черты характера четко и ясно, как будто только вчера расстались...

А во времени повествования сегодня моя последняя полевая ночь. Завтра выезжаем на базу партии всей бригадой: техзадание выполнено, практика закончилась. Дня через два-три я буду уже в Новосибирске. Обычно геодезисты радуются, возвращаясь с поля, а на меня нашла грусть, даже хочется плакать. Жаль расставаться с бригадой, естественностью и простотой. За пять месяцев практики я до того привыкла к этой натуральной жизни среди природы, к палатке, закатам, лесу, звездам, свежести, к работе, что представить себе не могла свою дальнейшую городскую жизнь.

Мне понравилась производственная практика: мой первый опыт работы по специальности, общения с геодезистами-полевыми и таежным людом. Как-то совсем не хотелось возвращаться в Новосибирск. Все эти пять месяцев здесь я жила, чувствовала себя нужной, потому что в полевых бригадах не бывает лишних людей; мне было интересно, а в городе я часто казалась себе чужой среди остальных. Но также я понимала, что в геодезии меня ждет еще много интересного, радостного и грустного, включая и встречи-расставания с людьми, оставившими отметину в душе, хотя жизнь все равно решит по-своему: с кем-то сведет, а чаще всего – раз-

ведет, и во многих случаях беспощадно навсегда. Грусть расставаний – неизменная спутница бродячих профессий. И от этого уже никуда не деться.

Глава 2

Остров Сахалин

2.1. Знакомство с Южно-Сахалинском

В студенческие годы в Новосибирске я знала одного парня с Сахалина. В походах он нас снабжал сосисочным фаршем и красной рыбой. На вопрос: «Откуда?» – отвечал просто:

– Я с Сахалина, живу там. В Новосибирске учусь.

И всем стало ясно, во всяком случае, никто не удивлялся, откуда взялся в Новосибирске такой в то время дефицит, как лосось. А я смотрела на нашего искреннего, доброго парня и думала: «Как далеко он приехал учиться, с самого Сахалина»!

И этот остров мне казался тогда чем-то далеким-далеким, почти Антарктидой, где я никогда не побываю. Да этот край меня особо и не интересовал, в мимолетных мыслях он почему-то рисовался равнинным, и вчера я страшно удивилась, увидев с самолета горы, покрытые снегом.

Южно-Сахалинск встретил нас холодно. Пронизывающий ветер, затянутое сплошной серой пеленой небо дышали неприветливостью. Вспомнилась расхожая поговорка, намекающая на расположение острова на одной широте с Сочи, но разные погодные условия: «Сахалин – второе Сочи, солнце греет, но не очень». С тоской подумалось, что ненастье надолго. Но неожиданное утреннее солнце и следа не оставило от вчерашних мрачных мыслей, засветив с такой щедрой яркостью, теплом и беззаботностью, что даже ветер стих.

Я пошла знакомиться с городом, как оказалось, довольно оригинальным, неожиданно навевшим мне Алма-Ату. Ощущение южного города в горах Тянь-Шаня возникло, когда я шла от вокзала по Коммунистическому проспекту, хорошо озелененному, с довольно узкой проезжей частью, но широкими тротуарами, схожими домами и просматривающимися впереди горделивыми горами. Однако дальневосточный город вмиг отогнал казахские картинки, как только я увидела справа здание из восточной сказки, заставившее меня в ошеломлении остановиться. Что это, откуда появилась среди типичной городской застройки такая жемчужина? Металлическая крыша медного цвета, как рыба чешуя, отливающая на солнце множеством бликов! Края ее загнуты вверх. Двери и окна, как в настоящем старинном дворце, покрыты изящными узорчатыми решетками. Это оказался краеведческий музей. Хотелось зайти внутрь и одновременно не хотелось из боязни развеять впечатление волшебной, диковинной для меня восточной архитектурной роскоши. Но любопытство пересилило, и я все-таки вошла, решив, что надо узнать тайну возникновения такой необычной красоты.

В музее все встало на свои места. Я поняла, что, когда едешь в незнакомый уголок планеты, надо хоть немного подковаться в плане его истории, так как слишком дремучей оказалась по отношению к Сахалину, а ведь уже год, как живу в Хабаровске и работаю на предприятии, выполняющем на острове астрономо-геодезические наблюдения и съемку шельфа.

В музее как раз и узнала, что после поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 годов русским осталась только северная часть острова, а южная, включающая Южно-Сахалинск, отошла Японии. В 1937 году в губернаторстве Карафутто в городе Тоёхара (так тогда назывался Южно-Сахалинск) было построено здание музея в традиционном японском стиле Тэйкан (Императорская Корона), который соединил в себе демонстрацию силы государства и утонченное изящество японской культуры. После окончания Второй мировой войны южная часть острова вновь вернулась России; город Тоёхара был переименован в Южно-Сахалинск, а здание музея в стиле Тэйкан передано областному краеведческому музею. Безусловно, оно

стало одной из главных достопримечательностей города, и толпы туристов посещают Южно-Сахалинский краеведческий музей скорее не из интереса к краеведению, а из-за истории, связанной с загадочной Страной восходящего солнца и этим архитектурным шедевром.

Собственно Владимиру, первое поселение Южно-Сахалинска, городом сделали японцы за тот сорокалетний период их владения югом острова. Архитектор Рёсукэ Секия запроектировал планировку города по гипподамовой сетке, древнему способу планировки античных городов с пересекающимися под прямым углом улицами, равными прямоугольными кварталами и площадями, кратными стандартным размерам кварталов. Заложенный японцами принцип прямоугольной постройки города сохранился и в современном Южно-Сахалинске, хотя кварталы значительно укрупнены. Самое старое здание города, построенное в 1908 году, сохранилось и до настоящего времени. Оно находится на улице Невельского, и сейчас в нем располагается гарнизонный военный суд. Не исчезло и здание военного госпиталя Тоёхары постройки 30-х годов двадцатого столетия, в котором в наше время размещен также военный госпиталь, но уже Вооруженных сил России. К архитектурному наследию эпохи Карафутто в нынешней столице Сахалина относятся: здание художественного музея на улице Ленина, здание института морской геологии и геофизики (центральной технической лаборатории Карафутто), центральный городской парк Южно-Сахалинска, созданный японцами на базе естественного ландшафта, с водоемами и обустроенными площадками, позволяющими горожанам созерцать и любоваться природой, что присуще менталитету жителей Страны восходящего солнца.

Долгое время географы не могли определиться, островом или полуостровом является Сахалин. Знаменитый французский мореплаватель, морской офицер Жан-Франсуа де Лаперуз, отправившись после исследования Корейского полуострова в 1787 году к Сахалину (тогда Оку-Иеса), по пути открыв пролив между островом Хоккайдо и Сахалином, носящий сейчас его имя, первым ошибочно заключил, что Сахалин соединен с сушей и его следует считать полуостровом. В 1806 году его ошибку повторил не менее знаменитый российский мореплаватель, адмирал Иван Фёдорович Крузенштерн, отнеся Сахалин к полуострову. Спустя два года японские исследователи Мамия Риндзо и Мацудо Дендзюро проплыли на лодке вдоль Западного побережья Сахалина. Мамия составил карту и пришел к выводу, что Сахалин – не что иное, как остров. Более того, в Японии Мамия Риндзо также считают первооткрывателем Татарского пролива, то есть пролива между островом Сахалин и Евразийским материком, который японцы называют проливом Мамия. Но в силу закрытости в то время Японии в мире об этом никто не узнал, и о Сахалине продолжали спорить.

Точку в столь важном споре пока поставил выдающийся русский исследователь Дальнего Востока Иван Геннадьевич Невельской, проплывший в 1849 году вместе с возглавляемой им героической экспедицией на военнотранспортном судне «Байкал» между Сахалином и материком, доказав тем самым, что Сахалин является островом. Сейчас это место называется проливом Невельского. Почему я говорю пока? Просто хорошо представляю, что все эти пытливые исследователи нашей планеты являлись не только отважными мореплавателями, географами, картографами, гидрографами, путешественниками, но и наверняка разбирались в геологии Земли, понимая, что в геологическом прошлом Сахалин мог действительно быть полуостровом и стать им в геологическом будущем. Но сейчас он – остров с глубиной и шириной в проливе Невельского, соответственно, порядка 10 м и 8 км.

Чеховская тема на Сахалине – особая тема. Похоже, писателя там чтут как святого. Вряд ли предвидел тогда тридцатилетний Антон Павлович Чехов, уже известный в литературном мире как автор пьесы «Медведь», повести «Драма на охоте» и множества рассказов, чувствующий в себе литературный талант и силы на большее, подталкиваемый к этому издателем Сувориным, ищущий себя, в частности, в различных путешествиях, но принявший вдруг неожиданное для всех, включая Суворина, решение о поездке на Сахалинскую каторгу, что сахалинцы так увековечат его на своей земле. На острове есть село Чехов, а улицы Чехова, памятники

и мемориальные доски просто рассыпаны здесь по различным городам и поселкам; в горных окрестностях Южно-Сахалинска на картах обозначен пик Чехова, на Западно-Сахалинском хребте можно обнаружить Чеховский перевал. Имя писателя носит Сахалинский областной драматический театр. На Сахалине создано два Чеховских музея: историко-литературный в Александровске – «А. П. Чехов и Сахалин» и в Южно-Сахалинске – литературно-художественный музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин».

Эта книга о Сахалинской каторге, менее известная, чем повести, пьесы и рассказы Чехова, в то время удачно получила широкий общественный резонанс и привлекла внимание российских властей к поднятым писателем проблемам жителей острова – вольным, ссыльным и каторжанам. Говорят, что после Чехова Сахалин стал активно развиваться и положение каторжан улучшилось. Вклад писателя в развитие Сахалина, возможно, и преувеличен, но определенные положительные моменты в жизни каторжан бесспорно появились. Написанная тридцатью годами ранее повесть Достоевского на аналогичную тему каторги «Записки из мёртвого дома», более сильная, на мой взгляд, в литературно-художественном плане, такого воздействия на власти не возымела.

Официальная история Сахалинской каторги началась с 18 апреля 1869 года после выхода в свет соответствующего указа Александра II. Вначале на остров ссылались только уголовники, с 1885 года здесь стали отбывать наказание и политические.

Нас встретил Сахалин непогодой, а Чехова – страшным таежным пожаром, пылавшим в нескольких местах, со снопами искр, на разных расстояниях, что создавало впечатление, будто горит весь остров. «И всё в дыму, как в аду». Сочетание слов «Сахалин» и «ад» у Чехова встречается несколько раз. Но не условия жизни его больше поражают, а моральная среда, сознание безнадежности и беспросветности обитания здесь, когда все – и вольные, и каторжные россияне – стремятся убежать отсюда.

После опубликования книги Чехова «Остров Сахалин» в России начались протесты против жестокости и плохих условий жизни на каторжном острове. Тем не менее практика ссылки на остров была приостановлена только с началом Русско-японской войны 1904–1905 годов. В советское время для организации каторг и тюрем нашлись более целесообразные места на материке, а Сахалин стал развиваться и заселяться уже вольными гражданами благодаря открытию и разработке нефтяных и газовых месторождений, а также лесной и рыбной отраслей народного хозяйства.

Хорошо в музее представлен животный мир. Особенно поразил меня размер сахалинского медведя: настоящий полуторагодовалый бык, только свирепее и мощнее. О, с ним живым я встречаться не хочу! Пушистых зверей очень много: норка, горностай, выдра, лисица, соболь, белка – на этом разнообразии не ограничивается. Я просто не помню названий.

А на следующий день мы снова ходили в музей, уже втроем – позвала с собой двух ребят из нашей астрономической бригады: Витю и Валеру. Валера – студент-практикант с топографического техникума, высокий здоровый парень, открытый, принимающий на веру каждое слово преподавателя. Студент, ничего не скажешь, студенты охотно верят тем, кому придется сдавать экзамены. Меня принял с таким уважением только потому, что моя подруга у него преподает геодезию. В музее он буквально ходил за мной следом и внимательно слушал то, о чем я говорю. Не возражал и ничем не заинтересовался.

Витя старше его лет на пять-шесть. Он уже успел жениться, завести ребенка и развестись. Вот его рассказ:

– В море завербовался матросом. Люблю свободу, морской воздух, волны, путешествия. А жена мне свинью подстроила. Возвращаюсь – уже спит с другим и беременная. Сам, дурак, виноват. Гришаня же говорил еще раньше то про дядю Вову, то про дядю Гену. Не хотелось верить. Да все казалось, что одумается. Ведь сын же у нас. Гришку жалко. Просил его у нее – не отдает. Обидна ложь. Почему она сразу не сказала, что не хочет жить со мной? А то повернула

все исподтишка, елки, – обиженно говорил он, со злостью и оскорбительно для своей бывшей жены. – Баба есть баба, теперь-то уж знаю точно: кто приголубит, к тому и пойдет. У, подлюга!

А я смотрела на него и думала, что любит он, наверное, свою подлюгу. В экспедицию нашу устроился только для того, чтобы попасть на Сахалин, посмотреть на нее и на сына. В гостинице случайно встретился со своим земляком:

– Как она там? – был первый его вопрос.

И что-то дрогнуло в его лице. Взволнованно ждал он ответа...

В музее Витя в основном интересовался морскими судами и оружием. Об обитателях моря говорил со знанием дела. Море он любит. Когда летели из Хабаровска в Южно-Сахалинск, то с нетерпением ждал его появления:

– Елки, все в тумане, только побережье и можно разглядеть.

От моего совета идти в мореходку с досадой отмахнулся:

– Учиться ведь надо, а я страсть не люблю это дело, скучно. После школы закончил кулинарное училище, с отличием, но работать не захотел. Полгода в ресторане мне показались настоящей каторгой. Жара, бабьи языки. Я у них на подхвате. В основном занимался рубкой мяса. Ну, думаю, елки, и попал же. Плюнул на все и рванул в море. А здесь и жену увели.

Вышли из музея, пошли вверх по Коммунистическому проспекту. Здесь мне Южно-Сахалинск напомнил уже Новосибирский академгородок. Ровный ряд светлых зданий, непри-
нужденное, почти естественное озеленение. И за крайними деревьями сразу начинается смешанный лес. В лесу тихо, красиво, трава сочная, мягкая – разувайся и ходи босиком. Поют птицы. Ненастье в день прилета абсолютно забылось – как не было и никогда не вернется.

Тип лица у встречающихся нам людей – самый разнообразный. Скорее всего, это не коренные сахалинцы, а приезжие. Вообще на Сахалине проживают в основном русские, затем по численности идут корейцы, украинцы, татары. Из коренных народов – три основные группы: нивхи, ороки и айны. Нивхи и ороки, занимающиеся преимущественно оленеводством, охотой, рыболовством, рассеяны по таежным и прибрежным поселкам острова, в большинстве своем – северных. Почти все айны после окончания Второй мировой войны предпочли переселиться в Японию.

2.2. Ожидание вертолета и гостиница с морской Анной перед вылетом на астропункт

Астрономическая бригада при работе на пунктах Лапласа состоит из пяти человек: три – на основном пункте со всем астрономическим оборудованием (наблюдатель, он же руководитель бригады, помощник и рабочий) и два – на соседнем (земной предмет), на который определяют астрономический азимут с пункта Лапласа, для установки визирной цели и снятия при необходимости элементов приведения.

Перед вылетом на место работ в одном из расположенных рядом с аэропортом магазинов закупили продукты на полевой сезон. Продавщица попала какая-то суматошная, плутоватая: взвешивает быстро, считает на счетах еще быстрее, все время что-то путает, непонятно как выпутывается – в общем, создается полное впечатление, что она обманывает покупателей. Путала-путала и сама же запуталась. Уплатили за два ящика тушенки, а она придвинула два с половиной и резко приказала:

– Берите, все!

И отвернулась, раздраженная, неприступная, не желающая ни с кем разговаривать, сознающая свою правоту и всем своим видом показывающая, что разговор окончен. Парни растерялись от неожиданности и, еще не веря в собственные подсчеты, утащили всю тушенку. Только на аэродроме окончательно сообразили, что продавщица обманулась. Вспомнили ее раздраженное плутоватое лицо и решили:

– Ну, и черт с ней! Наверное, на остальном она нас надула, при взвешивании.

Даже как-то весело стало, что последнее слово осталось за ними. От помощницы договорились все скрыть. Девчонки любят идеализировать, не зная жизни. Вечно витают в облаках. Начнет заливать про честность, да еще заставит отнести в магазин или что-нибудь другое придумает. Да ну ее...

В общем, все приготовили для работы и жизни. Но наш вылет на астропункт задерживался в ожидании вертолета, который обслуживал северные бригады. Устроились в аэропортовской гостинице, как всегда переполненной, с общими номерами на большое число человек. Люди постоянно менялись – улетали, прилетали, селились новые.

Очень запомнилась мне моя соседка: высокая, худенькая, производящая внешне впечатление хрупкой девочки, особенно в своем ситцевом платице и надетой поверх него шерстяной кофточке, но оказавшаяся на самом деле сильной и интересной женщиной. Кровати наши были рядом, и наутро мы разговорились.

Она уже восемь лет в море, хотя никогда и не мечтала о нем, и на корабль попала случайно. Обстоятельства сложились так, что пришлось оставить после двух курсов учебу в педагогическом институте и завербоваться на рыбоконсервное судно. Работа с непривычки показалась просто адски тяжелой: тошнило от качки, запаха рыбы – хотелось все бросить и уехать домой. И она бросила, как только закончилась путина. Нет-нет, море не для нее! Такая оторванность от мира, земли ради изнурительной работы! Зачем? Всю путину бредить о траве и листьях, представлять поле ромашек, а видеть воду, воду и воду. Нет, это свыше ее сил!

Но прошел год, и она снова очутилась в море. Затем вышла замуж. Муж был матросом, сейчас – уже штурман. У них есть сын, Петенька, дорогой, милый, ненаглядный, но она продолжает ходить в море, оставляя его на попечение своей матери. Почему? Ведь в море трудно, и материальные проблемы остались в прошлом. И нельзя сказать, чтобы она полюбила море.

– Не знаю, но благодаря ему я стала сильной, приобрела какой-то внутренний стержень, возможно, научилась любить и понимать других, неидеальных, несовершенных, иногда даже жалких. Возможно, все это вместе называется положительным жизненным опытом, когда начинаешь внутри себя осознавать несовершенство мира и одновременно его красоту. Море кра-

сиво, особенно во время шторма и на закате. В нем есть что-то величественное, сильное, успокаивающее. Обилие красок изумляет, и в то же время нет пестроты – глубочайшая гармония. Это поражает... Морская романтика? Нет, о ней говорить неуместно, даже смешно. Там труд, тяжелый труд. Красотой любуешься нечасто, к тому же к ней быстро привыкаешь. В море, конечно, тянет, привычка, точно так же, как с моря на сушу.

Рассказывая о море, она стала неожиданно красивой, озаренной непостижимым внутренним светом. С удивлением искала я изъяны в ее лице, которые видела буквально минуту назад до разговора о море, и не находила. Нет, подбородок не выдавался вперед, под глазами не было синих кругов, лицо было нежно-матовым, просто прекрасным.

У меня невольно вырвалось:

– Я тоже хочу в море!

Она посмотрела на меня с какой-то очень взрослой снисходительностью и снова повторила:

– Там труд, тяжелый труд.

Эта женщина пришла в гостиницу поздно вечером. В комнате мы уже все были знакомы между собой. Моя соседка весело рассказывала окружающим о проведенном в санатории месяце. Обстановка была самая беззаботная. И вдруг эта женщина в строгом синем платье (на следующий день она переделалась), осунувшаяся, с усталыми синими кругами под глазами, чужая, далекая, углубленная в себя. После приветствия представилась Анной и как-то отрывисто спросила:

– Где здесь медпункт?

Мы:

– Вы больны?

– Да.

Все растерянно замолчали, затем кто-то несмело спросил:

– Если не секрет, чем?

Внезапно она улыбнулась простой, открытой улыбкой. Дружелюбно окинула нас всех взглядом, махнула рукой, дескать, что скрывать, и произнесла:

– Нервная болезнь, тело все чешется, выступают какие-то красные шишечки. Короче, псих я.

Рассказывавшая про санаторий тронула ее за плечо:

– А, милая, дерматит. Эту болезнь я как свои пять пальцев знаю. Сама болела. Медпункт тебе не нужен. Тройной одеколон есть? – Женщина кивнула. – Так вот, натришь и ложишься спать.

Анна последовала ее совету. Она как-то сразу вошла в наш стихийный гостиничный коллектив. Стала близкой, понятной. Просто, без смущения рассказывала нам о своей болезни. Спать ложились в самой дружеской обстановке, как будто давно знали друг друга.

Ее рейс был через день. А с нашим вертолетом вообще было глухо как в танке. Похоже, он не собирался лететь к нам с севера, где сосредоточилось большое количество бригад, а мы, астрономы, со своим южным объектом оказались просто пристегнутыми к той северной партии. Наш руководитель, Володя Селин, каждое утро связывался с начальником партии, ходил в аэропорт, но ничего утешительного не сообщал. Поэтому мы еще успели с моей морской Анной пообщаться. Хотя я чаще слушала или наблюдала за ее разговорами с другими обитательницами нашего гостиничного номера, мне все-таки показалось, что я ее тоже заинтересовала. Больше всего мне запомнились ее естественность и внутреннее достоинство, а также умение беседовать. Весь номер потянулся к ней, признав ее внутреннюю силу и пронизательный дар. А ведь вела она себя довольно обыденно, ничуть не красовалась. Даже не скрывала, что ее очень беспокоит, что муж остался на корабле, в море, а она вынуждена лететь домой. Бросила фразу как само собой разумеющееся:

– Рано или поздно они все кого-нибудь заводят.

И здесь ей почему-то никто не возразил, а лица женщин стали как-то более задумчивыми и углубленными в себя.

У Анны были хорошо развиты интуиция и понимание, что в жизни есть место загадочным явлениям, почти мистическим. Поведала про чудодейственное исцеление своей матери путем заговора. Приведу ее рассказ:

– У моей мамы в молодости сильно болели зубы. Стоматолога в деревне не было, и она очень мучилась. Одна старушка сжалилась над ней и передала заговор, действие которого будет безотказным, если обладательница сумеет сохранить его в секрете. Мама заплатила приличную сумму, в точности все выполнила, и с тех пор, хотите верьте, хотите нет, я бы сама не верила, но это случилось с моей родной матерью, она пятнадцать лет не знала зубной боли. На шестнадцатый год у ее родной сестры, то есть моей тети, внезапно заболели зубы. Та пришла к нам за помощью. Мама, либо забыв о предупреждении, либо просто, желая помочь, а там будь что будет, передала секрет заговора сестре. И опять произошло чудо: у тети зубы перестали болеть, а у мамы заболели снова. Здесь уж ей помогла только медицина. Не верю в заговоры, но факт остается фактом.

Я предположила, что, может быть, данный случай чудодейственного исцеления объясняется просто верой.

Она с задумчивым видом посмотрела как-то сквозь меня и одновременно внутрь себя, вероятно, имея на это исцеление свое мнение, основанное исключительно на интуиции, чувствах и потому необъяснимое словами.

Улетала Анна рано утром. Она встала тихо, осторожно собралась, чтобы никого не разбудить, но я все же проснулась. Увидев, что глаза мои открыты, Анна улыбнулась и сказала:

– До свидания, Галинка. Счастливо долететь твоей бригаде до места работ.

Тогда она была еще близкой, и мне казалось, что Анну действительно трогают наши заботы.

Она ушла, а я вдруг почувствовала тоску. Мне это показалось странным. За проведенную в гостинице неделю я привыкла желать людям счастья на дорогу и слышать от них аналогичное ответное напутствие. Слово «счастливо» было привычным словом прощания. Мне впервые за все это время захотелось проводить человека не из гостиницы, а на аэровокзале, махая до последней минуты рукой, как родного и близкого.

Я вскочила, оделась и побежала. Но зря... Женщина была уже снова, как при первой встрече, чужой и далекой. Она из вежливости улыбнулась мне и спросила, зачем я так рано поднялась. Я молча протянула оставленную ею на столе авторучку. С той же холодной вежливостью Анна поблагодарила меня, попрощалась и пошла на посадку.

Опять я с удивлением смотрела на ее превращение и, отвечая моим прежним мыслям, думала, что она не придавала никакого значения нашему знакомству. И унылой показалась мне вся эта привокзальная суета, когда я растерянно уходила, с грустью и горечью разочарования.

2.3. Заколдованный пункт

Вскоре и наше гостиничное ожидание закончилось. Прилетел вертолет вместе с освободившимся в одной из северных бригад ранее обещанным рабочим. Здоровый деревенский парень, уроженец Курской области, пошедший по свету, по его словам, в поисках жены. Непонятно, как он вообще попал в экспедицию абсолютно не из бродячей среды: не бич, не моряк, не проштрафившийся водитель, не романтик. Взгляд – туповатый, угрюмый, но себе на уме. Самым случайным у нас оказался, пристегнутым уже на Сахалине. Будет работать как раз с нами, на основном пункте¹⁴. При знакомстве представился как Коля.

Загрузились, полетели. Сначала забросили Виктора с Валерой на «земной предмет», затем нас – на основной пункт, расположенный в горах, на удобной сопке, с плоской каменной вершинкой, как будто специально для установки рабочей палатки рядом с металлической пирамидой, обозначающей центр астропункта, обширной террасой сразу под вершинкой на пологом склоне, по размерам позволяющей не только поставить жилую палатку, разместить груз, но и обеспечить посадку вертолета. Похоже, мы попали на уже довольно обжитое геодезистами место – после строителей и наблюдателей. От террасы к пункту была протоптана тропинка.

Плохо только, что за водой надо будет спускаться по крутому склону с противоположной стороны горы вниз. Там прямо из камней бил какой-то водопадный ручей, красивый для любования, но не очень удобно расположенный относительно нашего места обитания. Однако и к ручью от пирамиды просматривалось некое подобие тропы, которая из-за крутизны склона являлась скорее следом карабкающегося, а не идущего человека, так как спускаться и подниматься по ней можно было с применением всех точек опоры, держась руками за гибкие ветки кедрового стланика. Первичный запас воды у нас был – прилетели с наполненными ей кислородными подушками и флягой, но в дальнейшем за водой все-таки пришлось идти.

Приземлились на полянку с цветущим брусничником посреди кедрового стланика. Разгрузились, помахали вслед улетающему вертолету и стали обустраиваться. Рабочую палатку поставили вверху, рядом с пирамидой, жилую – на площадке пологого склона, под вершиной, защищающей от ветра. В жилой палатке организовали спальные места в виде раскладушек и теплых верблюжьих спальников, поставили металлическую печь с выходящей наружу дымовой трубой для приготовления пищи и обогрева, так как в июне на Сахалине довольно холодно.

Все рабочее оборудование (астроуниверсал, хронометр, радиоприемник для приема сигналов точного времени, метеоприборы и другие необходимые приспособления) занесли наверх. Астроопределения мы выполняли в сети триангуляции второго класса. Поэтому пункт не был оборудован астростолбом¹⁵ с устройством для принудительного центрирования, и инструмент пришлось устанавливать над центром на специальный устойчивый штатив, закреплять после тщательного центрирования и защищать тентом и шторками от ветра, дождя и солнца. Как объяснил руководитель бригады, прибор устанавливается один раз, перед началом работ, и убирается только после их окончания, иначе требуемая точность не будет достигнута.

К вечеру управились, обустроились. Коля принялся за приготовление ужина, мы с Володией поднялись наверх, так как он перед началом основной программы, планируемой на завтрашнюю ночь, решил оценить звездную обстановку, видимость, работу приборов, то есть сделать пробные наблюдения и объяснить мне мои функции.

---

¹⁴ *Основной пункт* – пункт государственной сети триангуляции, над центром которого устанавливают астрономический универсал и выполняют астрономические наблюдения.

¹⁵ *Астростолб* – долговременное устойчивое сооружение, обеспеченное устройством для принудительного центрирования, для установки астрономического универсала при астрономических наблюдениях на пунктах Лапласа (как правило, в триангуляции первого класса).

С руководителем бригады Володей Селиным, проработавшим уже лет пять после института на астрономии, а до этого еще два года на высокоточном нивелировании¹⁶, я познакомилась практически только перед самым выездом в поле, но девчонки из вычислительного цеха его хорошо знали через жену Надежду и отзывались положительно. Опытные астрономо-геодезисты также высоко оценивали его профессиональные качества. Говорили, что толковый, имеет прочные знания и верный глаз для астрономических наблюдений, да и вообще для высокоточной геодезии. Есть чему поучиться.

Попробую описать его портрет как человека, с которым в силу сложившихся обстоятельств мне довелось поработать совсем немного и, как оказалось, не совсем удачно. Именно после Володи я приняла для себя твердое решение, что если пойду в следующий сезон на полевые работы, то только самостоятельно, не помощником, а руководителем бригады.

При первой встрече выражение его глаз мне показалось несколько странным. Я обратила внимание на то, что они у него очень большие, чересчур широко открыты и кажутся удивленно-испуганными.

Характером – робок, застенчив, с людьми сходитя трудно, далеко не со всеми, но хороших друзей имеет. После близкого знакомства можно с ним интересно поговорить, так как хорошо эрудирован, начитан, обладает наблюдательностью и способностью размышлять не только над прочитанным, профессиональными тонкостями и новинками, но и над взаимоотношениями между людьми. Лучше всего говорить с ним с глазу на глаз. По-моему, в большой компании он чаще молчит. Думаю, что он интересуется психологией, и не исключено, что имеет некоторые успехи в этой области. Однажды рассказывал нам о ленивом рабочем в бытность своей работы на нивелировке:

– Решил поговорить я с ним откровенно. Знаю, что окрики и насмешки плохо действуют на человека. Выяснил, что любит готовить, а с рейкой ему стоять не нравится. После разговора он стал поваром вместо другого. И у него очень хорошо получалось. И ситуация в бригаде нормализовалась.

Натура у Володи довольно тонкая. Думаю, что в женском обществе он себя лучше чувствует, чем в мужском. Хорошо воспитан, вежлив, деликатен, говорит грамотно, к женщинам внимателен. Заслуга родителей, но и его жены тоже, которую он, кстати сказать, очень любит. Раньше она ходила вместе с ним в поле, но в этом году, буквально месяц назад, у них родилась дочка. Роды были несколько осложненными, и он очень беспокоился о самочувствии обеих. Помню, когда мы только приступили к астроопределениям, к нам прилетел вертолет, привез письма, кое-какие продукты, а главное, чтобы забрать у нас рацию и спальный мешок для передачи Вите с Валерой, которые эти «охламоны» забыли выгрузить при их заброске на пункт. Володе пришло письмо из дома. Распечатал сразу и читал очень эмоционально. Только тогда стало понятно, как он сильно беспокоится о своих близких, потому что в тот момент ему просто было не до скрывания от нас своих переживаний и эмоций. На его лице отражались все сообщаемые события: хорошее – радостная улыбка; серьезное начало, но еще непонятный конец – лоб чуть сморщен, нижняя губа прикушена; конец плохой – резкий взглас, бранное слово, но не матерок.

Тонкая, сложная личность, живая и далеко неидеальная. Я уже тогда поймала себя на мысли, что на его месте была бы тверже с членами бригады, требовательнее с начальством и организовала бы работы чуть по-другому. Кто знает, возможно, нам бы удалось тогда избежать случившегося в наш полевой сезон на Сахалине. Но это только мои предположения и догадки. «У победы много отцов, поражение всегда сирота». В профессиональном плане его не в чем

---

¹⁶ *Нивелирование* – вид процесса геодезических работ по определению высот центров реперов (нивелирных пунктов) высотной сети над уровнем моря в принятой системе высот.

упрекнуть: он действительно знает свою работу. Но так случилось, что работа не пошла, и в бригаде произошел разлад.

Начиналось все хорошо. Стояли безветренные звездные ночи, что на Сахалине может в одночасье измениться. Инструмент установили, защитили от возможной непогоды, в рабочей палатке тоже все приготовили. В «Астрономическом ежегоднике»¹⁷ нашли все необходимые данные, поместили, выполнили пробные измерения и на следующую же ночь, как планировали, приступили к основной программе.

Нам предстояло определить астрономические широту, долготу нашего пункта и астрономический азимут на соседний пункт, который обслуживали Валерий и Виктор. Володя уверенно подсекал выбранные нами заранее из астрономического ежегодника звезды, фиксировал по хронометру моменты их прохождения через нити астроуниверсала, определял поправку хронометра, затем вместе выполняли вычисления. Работы было много. В каждую ночь старались набрать максимальное количество возможных наблюдений. В жилую палатку возвращались уже с рассветом, отсыпались, ели и готовились к новой звездной ночи. Нашему недалекому здоровяку-рабочему, впервые попавшему из деревни в полевые геодезические условия, было очень скучно, и его раздражало, что он должен нас обслуживать, то есть готовить еду, заботиться о дровах, воде, переносить груз и выполнять различные подсобные работы. Он не понимал, что по звездам можно было определять какие-то координаты, да и не интересовался этим. В общем, отчаянно скучал. Здесь еще у него выжили гормоны, и он решил, что мы после астронаблюдений сидим с Володей в рабочей палатке не из-за необходимости их математической обработки, а крутим шуры-муры. Но пока шла работа, поведение его было терпимым: обязанности выполнял, не сквернословил, не грубил, вел себя как-то угрюмо-странновато, но обращать внимание на эти странности нам было особо некогда.

Кроме того, природа Сахалина вокруг нашего астропункта меня очень впечатлила. Во все времена суток, утро-день-вечер-ночь, я по несколько раз поднималась по тропинке на вершину горы, чтобы полюбоваться удивительными, постоянно меняющимися пейзажами: облаками – то внизу, то вверху, то окутывающими нас, солнцем, поднимающимся утром прямо из моря и опускающимся по вечерам за остроконечные горные вершины, неповторимыми восходами и красочными закатами, ночным небом с яркими звездами, ветром, гоняющим облака или слегка волнующим кедровый стланник, птичьими голосами и просто разными шорохами – все мне, впервые попавшей на Сахалин, с горами, морем, тайгой, казалось удивительным и чарующим, глубоко отзывающимся в душе, о чем я раньше если и задумывалась, то вскользь.

Именно на Сахалине я впервые осознала, как тесно душа человека связана с природой, ощутила себя ее неотъемлемой частью, пусть былинкой, песчинкой, но единой с ней. Работа мне тоже показалась интересной, и в увлечении не было ни времени, ни желания обращать внимание на нашего рабочего, попавшего непонятно как и зачем сюда из какой-то глухой Курской деревни.

Но Бог создал нас так, что внутренний мир любого человека, даже самого примитивного, сложен и многогранен. И наш внешне туповатый рабочий Коля, здоровенный молодой детина с узким кругозором, почти ничем не интересующийся, внутри себя оказался просто напичканным амбициями, самоуверенностью, сознанием скрытых достоинств и еще чем-то, не разгаданным нами. И, угрюмо кашеваря, заготавливая дрова, устраивая наш быт, он все же дождался момента заявить о себе.

Работа была в самом разгаре, но тут занепогодило. На юге Сахалина метеоусловия могут измениться в одночасье. Вначале погода нам благоприятствовала: светило солнце днем, висели ночью на небе яркие звезды, стояла безветренная тишь с сонными облаками внизу, которым, видимо, надоело спать. И ветер в угоду им подул с моря, поднял облака, сразу окутавшие нас

---

¹⁷ *Астрономический ежегодник* – каталог положения звезд на моменты времени.

молочным туманом, усилился, нагнал свинцовые тучи с дождем. На море, похоже, шторм, а отголоски этого шторма бушуют у нас, в горах. Шорохи, к которым я в упоении прислушивалась в ясные дни, превратились в многоголосые завывания, грохот грома, сверканье молний. Стало темно и страшно за наши палатки, приборы, да и за себя тоже. Складывалось впечатление, что ненастье установилось не на одни сутки. И наша работа, зависящая от звезд и ветра, замерла.

В палатке – атмосфера тоскливого ожидания. Володя ловит радиостанции с прогнозом погоды. Ветер и дождь только усиливаются, налетают как-то порывисто-раздраженно, бросая охапки воды в неплотно закрытое оконце палатки. Затем – временное затишье, и ты воспринимаешь как благодать негромкий шум равномерного дождя, всем существом ощущая умиротворение и спокойствие. Замрешь и прислушиваешься к атмосфере снаружи, но новый порыв ветра, и опять дождь становится сердитым, палатка заходит ходуном, громко хлопает нижним своим концом, сорванным непогодой с кольшка. Мужчины выходят, подправляют.

Однажды ночью я проснулась в страхе. Палатка трепетала под натиском ветра. Стоял ужасный грохот. Казалось, что крупный зверь или вообще какое-то чудовище с громадными неуклюжими копытами поднимается по каменистому склону, спуская вниз валуны. Жутко, темно, хочется закричать, разбудить всех. Насилу сдержалась, засветила свечку, и вдруг стало ясно или я для собственного успокоения решила, что это не чудовище, а неплотно застегнутая дверца у палатки хлопает, издавая громкие звуки, похожие на грохот раздвигаемых камней. Потушила свечку, зарылась поглубже в толстый верблюжий спальник и крепко уснула. А утром Володя разбудил возгласом:

– Все, отработались! Инструмент сорвало бурей-лежит наверху на камнях, разбитый.

– Как??? Ведь он же тяжелый, надежно укрепленный, укрытый от непогоды брезентом, привязанным к пирамиде? Как???

Мгновенно выскакиваю из спальника, на ходу накидываю на себя штормовку, сапоги и несусь на вершину. Володя снова за мной, так как он каждое утро и даже ночью поднимался к пирамиде, беспокоясь за оборудование. Видя наш переполох, Коля тоже поднимается.

О боже! Наш астроуниверсал, единственный в экспедиции, валяется вместе со штативом и брезентом на голых камнях, безнадежно разбитый. Пирамида насмешливо стоит, и рабочая палатка уцелела. Не понимаю! Чертовщина какая-то. Вот так, наверное, и случаются катастрофы. Я испуганно спрашиваю Володю:

– Что будем делать?

– Ждать комиссию по расследованию. Инструмент очень дорогой. Другого в экспедиции нет. Это конец работы. После комиссии будем сворачиваться и вылетать в Хабаровск.

Первый шок прошел, и наступили дни тревожного ожидания этой самой комиссии или какой-то другой развязки. Я продолжала подниматься на вершину, надеясь увидеть признаки окончания непогоды, так как в любом случае выбраться отсюда со всем бригадным грузом мы могли только на вертолете. Однако окружающий пейзаж был под стать нашему настроению. Ветер и дождь прекратились, но мы оказались в плотной облачной пелене. Вокруг только облака, похожие на мертвое море, в котором чернеют и изредка выглядывают остроконечные горные вершины, ассоциирующиеся с затонувшими кораблями. Странная безжизненность во всем. Даже редкие облачные окна создают впечатление мертвой задумчивости – не сужаются и не расширяются. Реальное море, которое в ясную погоду просматривалось с нашей вершины, также скрылось под облаками.

Володя держится внешне спокойно. Он сразу же объяснил нам, что в случившемся никто из нас, кроме него, не виноват и ответственность вся лежит только на руководителе бригады. Сказал твердо, дав понять, что обсуждать данную тему с нами не намерен. Из Хабаровска пришла радиограмма, чтобы сворачивали все работы и выезжали на базу экспедиции. До

Южно-Сахалинска – на арендованном сахалинской геодезической партией вертолете, а затем – на пассажирском самолете.

Ясно, что теперь все зависело от метеоусловий и вертолета. Вот здесь-то и начались психологические сложности. Три разных человека, в одной палатке, в состоянии ожидания с моря погоды, сидящие в полном бездействии и окутанные облачным туманом. Придумывали себе различные занятия: читали, играли в шахматы, карты, слова, города, морской бой. Но рабочий Коля везде проигрывал и как-то сразу недовольно замыкался.

Особенно забавно у нас с ним получилось при игре в морской бой, в которую я прежде играла и со школьниками младших классов. Объяснила вроде бы понятно: какие и сколько кораблей; нарисовала два квадрата с обозначением букв и цифр, один – для размещения кораблей, второй – для отметок хода игры. Он сказал, что все понял. Начали играть. Я заметила, что Коля ничего у себя не отмечает. Спросила его об этом, он недовольно ответил, типа знаю, что делаю. В конце концов он отказался играть, и выяснилось, что Коля ничего не понял из моих объяснений, но для чего-то сделал вид, что понял. Мы стали играть в морской бой с Володей. Коля привычно замкнулся, заскучал и взялся листать случайную книгу. На обед ничего не приготовил – пили чай со сгущенкой и сухарями.

Атмосфера в палатке становилась несколько напряженной. Угрюмое Колино молчание должно было во что-то выплеснуться. Что он за человек, какие цели его привели из Курской области на Сахалин, было загадкой для нас. Возможно, просто попутешествовать и подзаработать? А здесь неудача с прибором и возвращение в Хабаровск срывали его планы. Может быть, через нас он хотел как-то связаться с сахалинскими буровиками-нефтяниками? Однажды Коля говорил на эту тему. Но ведь там тоже требовалась квалификация, а у него никакой специальности не было. Чтобы как-то развеять угрюмость рабочего и немного разговорить его, Володя предложил порассказывать друг другу какие-нибудь необычные случаи из жизни геодезистов, геологов, рыбаков, охотников. Геодезисты и геологи часто оказываются в условиях дикой природы. Поэтому медвежья тема в их повествованиях звучит нередко.

Володя рассказал нам слышанные им в экспедиции два реальных случая встречи с медведем в тайге. Один произошел с нивелирной геодезической бригадой, другой – у геологов.

Начал с нивелирной бригады:

– Однажды нивелировщики гнали ход в якутской тайге. Вдруг задний реечник бросает рейку и бежит с перекошенным от страха лицом к исполнителю. Из его уст раздается только «ми...ми...ми». Никто ничего не может понять. Ясно стало буквально через десять секунд после общего недоумения, когда метрах в двадцати на нивелирной трассе показался матерый медведь. Что делать? Оружия нет. С двумя топорами без сноровки с медведем не справиться. Да здесь еще реечник паникует – того и гляди заразит всю бригаду, и она бросится врассыпную. Тогда уж наверняка будет жертва. Медведь от скуки так близко к людям не подходит. Исполнитель скомандовал: «Всем в кучу и кричать что угодно, хоть маты, но как можно громче, и ни в коем случае никому не бежать!»

Твердый окрик подействовал даже на паникующего реечника. Приказание было исполнено в точности. Медведь просто опешил от неожиданных громких воплей, развернулся и убрался восвояси.

Нивелировщик рассказывал, что, увидев медведя, даже не успел испугаться. Как-то мгновенно и будто само собой оценил ситуацию. Страшно стало, когда опасность миновала.

Я сказала:

– Хорошо, что все хорошо закончилось.

Володя ответил:

– К сожалению, не всегда. Слушайте дальше. С геологами все закончилось очень печально. Они украли медвежонка и унесли его в свой лагерь, находящийся довольно далеко от места обнаружения медвежьего семейства. Медведица не простила людям пропажу своего

детеныша и отомстила им со звериной жестокостью ослепшей от горя матери. Ночью, когда все спали, она подкралась к палатке, запрыгнула на нее сверху и задушила всю бригаду. Аккуратно выполнила свою месть, никого не выпустила из-под палатки, каждое шевеление внутри нее она прекращала могучим ударом медвежьей лапы.

Честно признаться, мне стало как-то не по себе от этих рассказов. Одно дело – слушать таежные истории в городе, и совсем другое – находясь в палатке в сахалинской тайге, где мишки тоже бродят. Но у нас есть карабин и ружье. Правда, ружье я не умею заряжать, а из карабина боюсь стрелять из-за оглушительного звука выстрела и отдачи. Володя однажды показал нам, как пользоваться карабином. Постреляли возле палатки по консервным банкам. Мне не понравилось. Но мужчины пуляли с удовольствием и азартом. Из оружия я предпочитала мелкашку, которой у нас не было, Коля – ружье, которое он постоянно зачем-то чистил и перезаряжал, наверное, от скуки. Ну, и у Володи был еще карабин.

Коля поерзал, откашлялся и решил тоже поделиться собственной историей, связанной с рыбной ловлей руками. Оказывается, есть такой древний способ. Рыба в реках укрывается под корягами, камнями, затопленными деревьями, в промоинах, образующихся под нависающим над водой деревом с обнажившимися из-за течения и воды корнями, разросшимися под водой.

Коля рассказал, как у себя в деревне они с пацанами ловили так рыбу:

– Конечно, места надо знать, заранее выбрать, прежде чем в воду прыгать. Под определенными деревьями – своя рыба. В промоинах под ивой на берегу прячется всякая рыба. Под корнями ольхи – плотва или окунь, а под затонувшими стволами сосны и ели можно зацепить налима или вообще линя. Мы с пацанами даже соревновались, кто больше поймает или крупнее.

Но чаще всего мы вышаривали рыбу под камнями. Она там тоже пряталась. Особенно в летний зной, спасаясь от жары. Однажды я шарил так голыми руками под камнем и почувствовал, что что-то большое зацепил. Ухватил, тащу и дрожу весь от радости, что добыча крупная. Вытащил и увидел, что в руке водяная змея. Страшно испугался. Даже не помню, как бросил ее в воду и как побежал на берег. Падал, о камни ноги все содрал. После этого случая я такую рыбалку разлюбил.

Он закончил рассказ и снова от скуки стал чистить ружье. Я взялась за свои записи. Володя пошел наверх, чтобы выйти на связь с руководством партии. Обычно угрюмо молчащий Коля, но сейчас несколько оживившийся после своего рассказа о необычном способе рыбной ловли, которым он владел и о котором мы даже не знали, захотел побеседовать:

– Ты, никак, дневник ведешь? Постоянно что-то пишешь в тетрадку.

Я не смотрю на него, но в точности знаю выражение его лица. Рот полуоткрыт, нижняя губа запала вниз, в глазах ожидание ответа, смешанное с хитрым выражением. Это выражение я уже встречала у простых людей, в основном у деревенских пожилых женщин, когда они спрашивали о чем-то щекотливом для тебя и знали, что ты испытываешь неловкость. Отвечаю:

– Просто кое-что фиксирую для памяти. Может, пригодится. Здесь и по работе есть пометки. Я ведь в точной астрономо-геодезии впервые работаю. Мне интересно. Жаль только, что не удалось до конца выполнить астронаблюдения на пункте. А ты как к нам попал, аж из Курской глубинки?

– Одна из причин – жену ищу. Но это не главная, есть другая, о которой не хотелось бы рассказывать.

Сказал как заученную фразу. На этом Колино красноречие иссякло. Любопытно, что он совершенно не интересуется нашей работой. Впечатление такое, будто он думает, что мы занимаемся глупостями и государство зря на это деньги тратит. А что же тогда с его точки зрения не глупости? Ведь хлеб-то тоже не захотел сеять, решив, пусть дураки в земле копаются и коровам хвосты крутят.

До непогоды и событий с инструментом, увлеченная природой и новым для себя аспектом профессиональной деятельности, я как-то мало обращала на нашего рабочего внимания. Но в период бездействия внимательнее посмотрела на него, даже понаблюдала, интуитивно чувствуя примитивную сложность его извилистого внутреннего мира с необоснованным самомнением и высокомерием по отношению к женщинам. Что с бабы взять? Баба с возу – кобыле легче. Представляю, какое короткое замыкание произошло бы в нем, если бы кто-то уважаемый им и вызывающий доверие вдруг сумел донести до него глубинную философию Николая Рериха о женском начале в духовном развитии Вселенной, воплощенную, например, в картинах «Ведущая» или «Держательница Мира». Впрочем, чего мечтать, это невозможно, хотя кто знает.

Нервозность в нем присутствует и проявляется внешне. Задумавшись, кусает губы, читает книгу или лежит просто так – дрыгает ногой, сидит – шевелит по очереди своими нижними конечностями, походка – вразвалочку, как бы гусиная, но более быстрое, даже нетерпеливое переступание с одной ноги на другую. Все это совершается в разное время, но в одном ритме, просто удивительно в одном, словно он заранее потренировался.

Тугодум – страшный, эрудиции никакой, значение даже таких элементарных слов, как «профан», «компетентность», ему неизвестно. Простые истины Коле надо разжевывать тысячу раз. Но в этом его требовании разложить все по полочкам есть нечто полезное для объясняющего, так как вдруг обнаруживаешь в своей голове некоторые неясности по вопросу, казавшемуся элементарным. Еще он обладает способностью определить, вернее, почувствовать большое место в человеке и при споре со всей бесстыдной бестактностью уколоть именно в него.

К женскому полу относится с мужским превосходством. Однажды я попросила его рассказать мне правила зарядки патронов. Он поломался, нехотя объяснил, а затем пренебрежительно заметил, что все равно через три дня у меня ничего в голове не останется, так как девичий ум такое не запоминает, а помнит всякие глупости типа тряпок и украшений.

А туман все густел, а туман все наглед, подбрасывая нам разные впечатления и испытания. Однажды утром я вышла из палатки, и мне показалось, что он слегка рассеялся. Решила немного прогуляться в окрестностях палатки. Отошла-то буквально на метров 100–150, а туман вдруг на глазах уплотнился так, что стало страшно потерять ориентацию. Повернулась в направлении палатки и пошла буквально наощупь, вернее, на звук Колиного топора, которым он рубил сухие ветки для растопки печки. В тумане наша палатка, труба от печки, Коля с топором смотрелись как через увеличительное стекло и выглядели какими-то пугающими исполинами. С уменьшением расстояния очертания предметов тоже уменьшились. Туман наглядно продемонстрировал пословицу, что у страха глаза велики.

После обеда молоко тумана снова стало редеть. Поднялась на вершину горы. Действительно, мертвая облачная пелена, окутывающая нас последние семь дней, под влиянием чьей-то невидимой силы начала медленно двигаться в сторону моря. Картина менялась в такт движению: туманные облака стали хаотично сгущиваться, образуя оконца. Безнадёжно мертвый пейзаж прямо на глазах оживал. Пришло ощущение радости от проявления жизни после столь длительного застоя. Окна движутся вместе с туманом и, то уменьшаясь, то увеличиваясь, создают впечатление его дыхания. Жизнь пахнет! Ура! Но что это? Опять застыли клубы тумана, а вместе с ними замерли и изменчивые, радующие глаз окна. Опять мертвая неподвижность?

Не может быть, не верится, чтобы такая громадина, окутывающая нас целую неделю и, наконец, решившая сдвинуться, остановилась в одно мгновение. Посмотрела вокруг. Нет, жизнь продолжается! Вот уже обнажились остроконечные пики гор, появился просвет на склоне и далеко внизу прояснилась деревенька. С достоинством движется облачное море, часто останавливаясь, отдыхая на сопках и их склонах, но неизменно возобновляя свой путь все в ту же сторону. Такая целеустремленность делает панораму величественной, невольно вызы-

вая чувство преклонения перед силой, заставившей дрогнуть великий туманный застой. Ветер нескромно напоминает о своем могуществе, но его нескромность приятна сейчас.

Прошла по гребню к скалам. Местами пылают они ярко-розовым цветом на зеленом фоне. Что это? Подхожу ближе и вижу удивительную картину ярких цветов на скалах. Вот это сила жизни! Чем они питаются среди мертвых камней и цветут с такой непринужденностью и безудержной радостью? Они напоминают забайкальский багульник, но держатся на приземистых крепеньких стебельках с продолговато-круглыми листьями. Я назвала их каменными цветами.

Отвлеклась на несколько минут, а пейзаж внизу уже абсолютно изменился. Множество белых облачных островков рассеялось на склонах. Но и эта картина продержалась недолго. Порыв ветра, и из-за сопки понеслась влажная серость, стремительно заволакивая все вокруг. Раздраженно, яростно начала она покрывать еще слабые и потому так быстро притомившиеся белые комочки облаков. Но через некоторое время и эта серость исчезла. Облака, туман, серая промозглость наперегонки понеслись в сторону моря.

Я так устала за период непогоды от сидяче-лежачего образа жизни в палатке, что решила спуститься вниз по чуть заметной тропинке на крутом склоне нашей горы, ведущей к ручью. Вся местность вокруг нас, включая и этот крутой склон, покрыта настолько густым кедровым стлаником, что его верхушки соединяются друг с другом. Передвигаться по такому лесу можно либо сильно пригнувшись, либо шагая прямо по деревьям и постоянно проваливаясь вниз, либо надо рубить просеку. Однажды я уже спускалась по крутому залесенному склону к нашему ручью в довольно хорошую погоду. Ветки стланика на крутом склоне использовала как веревки. Держусь руками за ветку и скольжу под собственной тяжестью по тропинке вниз. Рывок, я останавливаюсь, хватаюсь за новую древесную веревку и продолжаю путь. Подниматься труднее и значительно медленнее, но и при подъеме из-за крутизны склона без использования стланика в качестве веревки не обойтись.

Пока спускалась, появилось солнце, пригрело. От него и от движения стало жарко. А вот и ручей, скорее, ключ, бьющий прямо из скалы и падающий вниз, кристально-прозрачный, пахнувший снегом и жутко холодный – зубы ломит, когда пьешь воду, хотя очень вкусно. На солнце распарилась, разделась и даже слегка помылась. Но очень холодная вода, просто ледяная; обсохла и быстро оделась. Полюбовалась водопадным ручьем, небом, скалами, облаками и стала подумывать о подъеме, так как он займет значительно больше времени, чем спуск.

Внезапно опустился туман. Откуда? Потрясающе быстро может измениться погода на юге Сахалина, особенно в переходный период, как сейчас, от продолжительного ненастья – к погожим денькам. Резко похолодало – сыро и немного жутко. Обутые в кеды ноги промокли, и я почувствовала, как они с катастрофической скоростью коченеют. Терпеливо, до отупения прыгала я на каменных площадках, стараясь согреться. К счастью, туман прошел быстро. Засветило солнце, и вскоре вновь стало жарко. Начала подниматься, держась и подтягиваясь за древесные стланиковые веревки. Здорово помогают!

По пути, уже почти при подходе к вершине, в промоине, похожей на окоп, обнаружила черемшу. Понюхала, попробовала на вкус, чтобы не ошибиться, нарвала, уложила в капюшон штормовки и продолжила подъем по уже хорошо освоенной мной технике. Вот и наша пирамида, внизу палатка с трубой от печки. Встретили встревоженными возгласами:

– Где была и почему так долго?

– Ходила за черемшой. Не могла долго найти, – ответила я, перекладывая черемшу в мешочек и отдавая рабочему.

Коля по своему обыкновению начал покусывать меня с характерным для него толстым юмором, что времени затрачено много, а черемши – с гулькин нос.

– Да это мне на один жевок! Ха-ха, – завершил он деланным смехом.

Я никак не реагировала на это, вспоминая свою прогулку. Сказала, обращаясь больше к Володе:

– Похоже, погода устанавливается. Внизу с горы даже деревенька видна.

– Да, завтра утром выйду на связь, узнаю, как дела с вертолетом.

Коля минут пять молчал и после этого, с характерным для себя поерзыванием, как бы раскачиваясь нижней частью туловища для фразы, спросил:

– Ну что, может быть, на ужин к черемше картошку напечем?

Ели мы только утром, поэтому картошка, естественно, не устраивала. Я сказала:

– Готовь рассольник.

Варил он часа два. Мы с Володей играли в карты. Я вкратце поделилась своими впечатлениями от прогулки. Несмотря на голод, настроение было довольно веселое, так как с окончанием ненастья, возможно, мы выберемся отсюда. Правда, Коля взялся вдруг за изготовление свистков из консервных банок. Изготовил уже штук десять и при испытании каждого свистел немилосердно. Я сказала, что у меня болит голова, и попросила, чтобы он прекратил. Володя тоже и просил, и приказывал. Но бесполезно – двадцатисемилетний бугай свистел, как последний идиот. Оглушительный свист в палатке стоял минут сорок, если не больше. Примирившись с тщетностью наших замечаний, мы молча терпели.

За ужином я спросила:

– Коля, почему ты думаешь только о себе? Зачем заниматься глупой забавой, действующей так раздражающе на окружающих? Ведь мы же просили тебя прекратить.

– А мне, может, не нравится, что вы играете в карты, – заявил он, хотя сам не играл с нами только потому, что не умел в «чешского дурака», а учиться отказался.

Возможно, боялся, что не поймет, и не хотел лишний раз давать повод страдать собственному самолюбию. Он самолюбив до крайности и упрямо не желает учиться у кого-либо. Вся внутренняя жизнь его представляет собой переваривание своих умозаключений в собственном соку. При отсутствии большого природного ума это привело его, мягко говоря, к тупости.

Я ответила:

– Ну, знаешь, в карты мы играем тихо, на твои уши не действуем. Если тебе не нравится смотреть на нас, ты можешь просто отвернуться.

– А мне не нравится, что вы разговариваете и смеетесь.

Тогда впервые в моей голове мелькнуло подозрение, что он просто строит какие-то иллюзии насчет меня и ревнует к Володе. Вспомнилось, как он однажды допытывался, есть ли у меня любимый в Хабаровске. А я ему серьезно и строго ответила, что это для него не должно иметь никакого значения.

Здесь вмешался Володя:

– Я тебя брал не для того, чтобы ты раз в день нам готовил, а остальное время свистел и занимался другими глупостями.

– А я вам не слуга. И запомни, что я такой же человек, как и ты. Сейчас мы находимся в равном положении. Никто ничего не делает. И поэтому готовить и мыть посуду должны все по очереди. А то превратили меня в слугу.

– Ты находишься на производстве, а не в турпоходе. Здесь каждый имеет свое дело. Твое дело заключается в жизнеобеспечении всех членов бригады, включая и самого себя. И ты обязан выполнять его независимо от того, сижу я без работы или чем-нибудь занимаюсь. О выполнении моих обязанностей я отчитаюсь перед главным инженером, ты же изволь выполнять то, что я требую.

– Все ясно. Так бы сразу и сказал, что я тебе мешаю любовь крутить. Завтра же уйду в Южный.

Что угодно, но этого Володя не ожидал! Всегда общался со мной как с коллегой по работе. Но он сдержался и спокойно продолжил:

– Если бы мешал, то я бы тебя сразу не брал. Поехали бы вдвоем. Раз взял, значит, нужен был.

По экспедиционным правилам паспорта рабочих хранятся у руководителя бригады. Почему? Да потому, что бывают случаи, когда они сбегают, а заброска их на самолете в такие отдаленные районы, как Сахалин, Камчатка, Крайний Север, часто приграничные, требующие оформления специального разрешения, очень дорого обходится экспедиции как материально, так и морально, потому что она несет ответственность и за их своевременное возвращение согласно разрешению.

Коля решил потребовать паспорт:

– Давай паспорт. Я не преступник какой-то, чтобы не иметь права носить его в своем кармане. Нет такого закона, чтобы паспорт отбирали. Запомни, я такой же человек, как и ты, несколько не хуже, и потому не позволю унижать себя.

Что было ответить на такие слова? В общем-то, положила руку на сердце, справедливые, хотя при приеме на работу его об этом предупреждали и он был согласен. А сейчас что-то задумал недоброе для нас, во всяком случае, непонятно и неожиданно. Впрочем, нельзя сказать, чтобы совсем неожиданно, так как угрюмое молчание Коли, особенно длительное в последние дни по утрам, уже свидетельствовало о его нарастающем недовольстве. Но мы тоже были расстроены из-за катастрофы с инструментом, понимая, что в экспедиции нас ждут разборки и объяснительные. Неприятности будут, и еще какие, прежде всего у руководителя бригады, так как он несет за все ответственность. Володя произнес:

– Паспорт я тебе не отдам, потому что за тебя несу ответственность больше, чем за себя. Сидеть в тюрьме по твоей вине я не собираюсь.

– Ха-ха. Да ты за меня и не будешь сидеть. Дурак я, что ли, чтобы погибать! – и угрожающе добавил: – А паспорт ты мне отдашь.

Я взглянула на него и даже испугалась: столько было в его глазах звериной злобы и ослиного упрямства. У Володи, наверное, тоже дрогнуло в душе, но виду он не подал, не ответил на Колины выпады, а спокойно сказал примиряющим тоном:

– Куда ты сегодня пойдешь на ночь глядя? Завтра утром поговорим.

Расчет прост: может быть, к утру Коля одумается. Но Коля не из тех, кто любит откладывать на завтра:

– Чего ждать до завтра? Давай паспорт, и точка.

– Паспорт я тебе не отдам, – ответил Володя и вышел из палатки.

Здесь настал мой черед:

– Как тебе, Коля, не стыдно? У человека и так столько неприятностей. Несколько тысяч за инструмент платить – не шутка. Семья на нем. А ты нет чтобы посочувствовать, еще досаждаешь.

Сказала просто, как чувствовала, ни на что не надеясь. Но неожиданно это подействовало. Он еще что-то ворчал насчет карт, каких-то непонятных игр, но когда вернулся Володя, сказал:

– Ладно, шеф, точка. Остаюсь. Буду рабом до тех пор, пока меня не вывезут.

Правда, здесь я чуть было все не испортила. Надо было спокойно молчать и сделать вид, что мужики сами между собой разобрались. Но мы часто бываем сильны задним умом. Тогда я посмотрела на Колю и зачем-то спросила:

– Значит, договорились?

Он резко, со злобной ненавистью обернулся ко мне и грубо отпарировал:

– Я с тобой ни о чем не договаривался. И не вмешивайся не в свое дело! Чтобы я еще когда пошел куда-то с бабой...

Мне стало стыдно за свое унижение и еще больно, так как в тот момент я не могла ничем ему ответить, понимая, что сейчас важнее всего мир. И он, с таким трудом налаженный, мог

рухнуть в любую секунду. Володя смотрел на меня сочувственно, но тоже молчал. Возможно, я для него со своими книгами, записями, ежедневной зарядкой, страхом перед карабином, воспоминаниями об увлечении альпинизмом, восторгом перед Сахалинской природой и прочими причудами казалась также непонятной и сложной. Как, собственно, и он мне. В общем, собрались в одном месте три разных человека; когда шла работа, было все нормально, а как возникла ситуация ожидающей помощи затонувшей подводной лодки, то все пошло наперекосяк.

В этом состоянии безнадежной унылости мы провели ещё два дня. Погода наладилась, но вертолет не присылали. По радиации Володе сообщили, что он сейчас работает на юге Сахалина, то есть в нашем районе, но обслуживает геологов, и что Володе надо самому выбираться как-то в Южно-Сахалинск, там на месте добиваться вертолета и вывозить всю бригаду. Заявки от нас есть, но их откладывают в пользу геологов. Посмотрели карты – от нашего места до Южно-Сахалинска по прямой километров сорок. Но внизу есть населенные пункты и дорожное сообщение с городом – можно добраться на попутке.

Володя решил идти в Южно-Сахалинск один. Конечно, я несколько встревожилась, так как видела поведенческую неадекватность рабочего. Сейчас притих, но еще неизвестно, что у него на уме. Еще больше встревожилась, когда заметила Колину радость от Володиного решения. С каким-то веселым довольством он стал давать ему советы. Оказывается, Коля уже неоднократно спускался с сопки, когда бродил с ружьем, и доходил до дороги. Я, поняв в душе его тайные мысли, несколько испугалась, но виду не показала, решив, что он ведь себя считает положительным и вряд ли решится на насилие. Буду продолжать поддерживать с ним чисто трудовые отношения, как при Володе. Пусть рубит дрова, готовит, моет посуду. Если будет настроение или возникнет необходимость, помогу. Радию мне Володя оставил. Связь с руководством буду держать. Главное, быть уверенной и спокойной.

Володя ушел. Я вела себя как обычно: читала, писала, гуляла, любовалась дивными пейзажами и радовалась, что распогодилось и нет нужды торчать постоянно в палатке. Коля тоже был спокойным, словно разрядился от негатива внутри себя в день ссоры: рубил дрова, готовил, сходил за водой, бродил по округе, привычно молчал, но недовольства или каких-то других эмоций не проявлял. Все же я чувствовала, будто что-то навязчиво застряло в его голове, но старалась ни о чем не спрашивать, боясь, что он, как уже раньше случалось, может истолковать все по-своему.

Интуиция все верно говорила. На следующий вечер после ухода Володи Коля решил действовать, причем неуклюже и нагло. Я в тот день много ходила, опять спускалась к ручью, чисто для тренировки и полюбоваться цветочными картинками на скалах, устала и после ужина сразу забралась в спальник с книгой. Хотелось с кем-нибудь поделиться впечатлениями или привычно рассказать все на страницах своего дневника, но с Колей и при Коле желания не было. Он как-то особенно шумно возился, кряхтел, гремел посудой, выходил из палатки, быстро возвращался, присаживался на свою постель. Вроде успокоился и стал привычно чистить ружье. Да, у него еще одна была странная и несколько пугающая меня привычка: точить нож. Не знаю, где он успел вооружиться, но к нам в бригаду Коля прибыл с дробовиком, патронами и ножом. Наверное, имел охотничий билет.

Управился с посудой, оружием, задумчиво посидел, вдруг встал, шагнул и уселся на мою раскладушку. Я опешила от такой наглой фамильярности:

– Ты что?!

– Хочу с тобой поговорить. Что до Южного откладывать. Давай все сейчас решим. Что ты там хотела сказать?

– Во-первых, Коля, пересядь на свою постель. Иначе я с тобой разговаривать не буду.

Он как-то неприятно ухмыльнулся. Глаза блестели как у кота, а взгляд бродил по моей груди. Он хотел меня и нагло говорил мне об этом.

– Только идиот на моем месте может оставаться спокойным. Ты ведь тоже не старуха.

Так со мной обращались впервые, и я тряслась как в лихорадке, с трудом сдерживая себя от желания ударить по этой ухмыляющейся масляной физиономии. Он чувствовал это и, самое ужасное, сам желал моего нападения. Какой расчет? Не самому начать насилие, а ответить насилием на насилие? Не знаю даже. Неосознанно, скорее из инстинкта самосохранения, принялась говорить ему возвышенную чушь о святости и единственности любви. В общем-то я говорила ему самое сокровенное для себя, но так была взволнована, что это сокровенное походило на наивный возвышенный бред.

– Я люблю одного человека. Понимаешь, люблю.

– А он тебя?

– Не знаю, во всяком случае, я ему дорога.

– Что же он не женится на тебе? Четыре года, говоришь, с ним знакомы? Темнит что-то он. Не любит он тебя. Что ж ты побледнела-то вся и даже постарела как будто? Не любит, не любит он тебя. Ух, какая гневная, тебе сейчас впору на медведя идти! А такая ты мне еще больше нравишься.

– Я тебя сейчас могу убить, не только медведя... Зачем живут такие люди, как ты? Хамелеон проклятый, любитель играть на чужих нервах. Идиот! Неужели ты не понимаешь, что любовь должна быть взаимной? Гад, привык, наверное, к потаскухам, а сейчас даже в голове не укладывается, как это, вдвоем находимся в глухой тайге и не спим вместе... Так знай, геодезисты в поле занимаются не любовью, а нужной и важной работой. И мужчины на женщин еще никогда не бросались! И чем труднее вам обходиться без женщины, тем больше они достойны уважения. Я уже с третьим наблюдателем работаю, и со всеми у меня были только дружеские отношения. Потому что они уважали во мне человека, как и я в них.

Не знаю, что на него подействовало: грубая откровенность или же боязнь показаться слабаком в глазах мужчин этого странного геодезического мира, в который он попал совершенно случайно? Черт его знает.

– С потаскухами я не знаюсь. И любить я тоже умею. Если полюблю, то на всю жизнь, и никогда не изменю. Увидишь, как буду жить, – от зависти лопнешь.

Ушел на свою постель, стал укладываться спать. Я не понимала его слов, слишком была взволнована. Взяла книгу, сделала вид, что читаю. Выглядела, наверное, спокойной. И это бесило его:

– Брось книгу. Все равно сейчас ничего не понимаешь в ней. Знай, что я завтра уйду в Южный. В деревне химикам скажу про тебя. Пусть придут, позабавятся.

Подонки, я еще никогда никого не ненавидела так, как его в ту минуту:

– Иди, без тебя мне будет спокойнее.

Для собственного успокоения он почистил ружье, перезарядил патроны, поточил нож, а затем залез в спальник, угрожающе произнеся в мою сторону, что прошлое его поведение цветочки по сравнению с будущим, ягодки еще впереди, и спокойно уснул. Такая особенность природы: чтобы успокоиться, надо на ком-нибудь разрядиться. Кстати, не так уж редко встречающаяся среди людей. Я продолжала «читать», перепуганная и растерянная, пытаюсь придумать, что делать. Уйти? Но ночью в дикой тайге тоже страшно и холодно. Вроде спит, хотя, возможно, притворяется. Утром попробую выйти на связь, но до утра еще надо дожить. Боялась уснуть.

Так почти всю ночь и продрожала от страха, а перед рассветом неожиданно для себя очень крепко уснула. Коля встал, приготовил завтрак, чай, а я все не просыпалась. Похоже, эта моя беззащитность подкупила его, во всяком случае, он мне так сказал:

– Утром увидел тебя спящую, девочку совсем, и вдруг так жалко и стыдно стало, что напугал вчера. Принялся тихонько готовить, чтобы не разбудить раньше времени и чтобы ты сразу поела. Твой любимый цейлонский чай заварил из свежей ключевой воды со смородиновыми листьями.

Действительно, в палатке стоял душистый запах смородины. За поздним завтраком он изобразил раскаяние, просил прощения, а также, чтобы я ничего не сообщала руководству. Время подумать на этот счет у меня еще было, так как утреннюю связь я проспала. Мне и самой из-за чувства брезгливого отвращения к нему никому и ничего не хотелось рассказывать. Случившееся Коля сваливал на свою неуравновешенную психику. Дал слово, что больше никогда ничего подобного не повторится. Я молчала, боясь сказать что-нибудь лишнее, но и не верила ему, так как уже знала, что он легко и безответственно извиняется и обещает. Вечерашняя наглая физиономия с масляными глазками стояла перед глазами. Но я молчала еще и из боязни нарушить эту хрупкую видимость мира.

Внутри меня тоже что-то менялось – не умом, а сердцем я училась здесь высшему искусству постигать людей, принимать не только их светлые стороны, но понимать и терпеть мерзкое и гадкое в их душах. Оказывается, иногда нужно было улыбаться человеку, заслуживающему презрения, потому что высшей таежной мудростью является дружба, а на более низком уровне, при необходимости работать со случайными, абсолютно разными людьми, хотя бы умение установить добрые отношения с ними.

Так прошло еще три дня нашего тревожного сосуществования с Колей, вернее, с молодым бугаем со взрывающимися половыми гормонами, в одной палатке. Спасала и поддерживала гармоничная красота природы, которая будто оберегала и хранила нас. Мы много гуляли, но всегда врозь. Иногда делились впечатлением от увиденного, но очень редко, больше молчали, хотя угрюмое молчание только нагнетало атмосферу. По рации я узнавала насчет вертолета, но ничего определенного не говорили. Каждое утро после связи в рабочей палатке я привычно спускалась вниз со слабой надеждой до вечера, затем – до утра следующего дня и снова – до вечера... Так и жили в ожидании вертолета день за днем.

Часто наблюдала за небом и облаками. В горах это удивительное зрелище. Не помню, чтобы облака над головой бывали мертвы: они всегда живут, дышат, латают дырки, прорубают оконца, лепят фигуры, находясь в постоянном движении, в то время как расположенная где-то внизу облачная пелена часто поражала меня своей неподвижностью. Почему? Ведь плывущие выше меня облака для кого-то тоже лежат внизу. Или мы просто не умеем или не желаем замечать жизнь тех, кто находится ниже нас?

А как-то вечером я вбежала привычно по нашей тропинке вверх на вершину и просто обомлела от открывшегося там вида. Бурлящие под нами облака создавали впечатление, будто мы находимся на скале посреди бушующего моря. Соседние горные вершины, величественные и неприступные когда-то, в тот момент были похожи на корабли, терпящие бедствие в морской пучине. Закат-необычно светлый, лишь слегка золотистый и какой-то до нереальности прозрачный. Отношение солнца к горам непонятно: оно вроде сочувствует им и одновременно смеется над ними. Однако не пройдет и десяти минут, как солнце само затонет в облачном море.

Меня настолько впечатлил вид, что я предложила Коле посмотреть на него. Он поднялся наверх и довольно долго стоял там, наблюдая зрелище. Слышу – спускается, зашел в палатку. Бросил захваченные оставшиеся у пирамиды дрова и сказал обычным тоном:

– Да, действительно красиво. – Затем через некоторое время как-то даже смущенно возвращается к этой теме: – Правда, как море. А мы – будто на острове. И окружающие вершины похожи на островки или тонущие суда. – Осененный внезапной мыслью, смеется. – Вот бы кинокамерой все заснять! Одурачили бы людей. Все бы решили, что вокруг нас море. Ха-Ха! – Подумав, высказывает сомнение: – Да нет, слишком белое для моря, хотя все равно очень похоже. Красиво...

Благодаря этому пейзажу атмосфера в палатке несколько разрядилась.

А наутро, то есть через три дня после происшествия, он вдруг собрался и ушел в Южно-Сахалинск. Перед уходом сказал:

– Надо сходить, развеяться. От безделья дурные мысли лезут в голову. Часто бывает, что до плохого шаг. А потом меня хоть режь на куски.

– Иди, – сказала я ему равнодушно.

И он ушел. Он удалялся; я стояла на вершине возле нашей пирамиды, смотрела ему вслед, а в голове складывались строки, которые привожу здесь без изменения:

Ушел с таежных мест подлец:

– Так нужно, – молвил наш мудрец. —

Ему не место быть в тайге.

– Но люди ценятся везде, —

Мы возражали мудрецу. —

И нам с тобою не к лицу,

Избавив собственный свой слух,

Пускать по свету подлый дух.

– О, нет, горячие друзья,

Сейчас не вы правы, а я.

В тайге нам нужен человек,

Как рекам гор глубокий снег.

Мы дружбой крепкою сильны,

Пока единством все полны.

Оставив подлеца средь нас,

Мы пошатнем единство враз.

Здесь нет, как в городе, тюрьмы.

Наказываем сами мы

Призывом к совести людской.

Подлец не знает таковой.

Бессильные, чтоб наказать,

Должны мы подлеца изгнать

Из стен обители лесной —

Закон таежный наш такой.

Мы согласились с мудрецом,

Как сыновья с своим отцом.

Можно ли Колю назвать подлецом? Едва ли – скорее, просто человек абсолютно не нашей бродячей среды, чужой, случайно попавший сюда. Он и сам понял это и в геодезию после своего пробного сезона больше уже не сунется. Любопытно, бомжи, бывшие уголовники, пьяницы могут прижиться у нас, а этот – никогда.

2.4. Одиночество

Вот я и осталась одна. В радиусе пяти километров никого из людей нет. Вокруг меня – только горы, облака, стланик и вдали море. В первый день я наслаждалась тишиной, даже приемник не включала. А с наступлением темноты вдруг стало страшно. Все время подбрасывала в печку дрова, словно огонь был моим самым верным союзником. Зажгла две свечи, фонарь. Когда укладывалась спать, то думала, что с Колей было лучше, даже несмотря на мой страх перед ним. Человек рядом, и потому спокойнее как-то.

От страха и жалости к себе мне вдруг захотелось мужских ласк, не Колиных, в этом плане он у меня вызывал просто отвращение, но захотелось, чтобы кто-то сильный и любящий был рядом. Дрова уже не подбрасывала и ждала, когда они прогорят. Залезла в спальник, погасила свечи, положила рядом фонарь. Боже, как много вокруг непонятных звуков и шорохов! Они откуда-то взялись вместе с темнотой и пугают-пугают-пугают. Боюсь неведомых чудовищ, зверей, медведей – всего боюсь. Потом стала вспоминать дом, родителей, незаметно успокоилась и уснула.

Проснулась уже утром. Светило солнце, и погода обещала быть хорошей, но по радиации сообщили, что вертолета опять не будет. Я себя чувствовала немного разобранной, хотя ночной страх исчез бесследно. Когда пригрело, решила позагорать. В купальнике бродила я по лагерю и просто наслаждалась своей свободой. Радио так и не включала, книги тоже не хотелось читать. Испытывала какое-то состояние блаженной лени. Лежала на матрасе под солнцем, что-то обрывочно вспоминала, мечтала о несбыточном, смотрела на облака и реального ничего не желала. Пусть так будет всегда, пусть одиночество длится долго. Среди гор, неба и стланика я ощущала себя их частью и испытывала от этого покой и радость.

Беззаботное спокойствие во мне было утром и днем, когда светло. А как только солнце повернулось к закату, я опять заволновалась. Неужели снова буду дрожать как осиновый лист и прислушиваться к ночным звукам?

Увы, с темнотой страх вернулся. Что делать – дрожать или что-нибудь придумать? Чего или кого я боюсь? Людей? Нет, людей я не боюсь, мне как раз страшно из-за того, что я нахожусь одна в диком лесу. Значит, я боюсь зверей, хищников типа медведя или волка. Стоп, волки на Сахалине не обитают. Читала про единичные, очень редкие случаи перехода одного-двух серых хищников в зимнее время через пролив Невельского с материка на Сахалин. Но это же почти в ста километрах к северу отсюда. Медведя можно отпугивать огнем или оружием. Из оружия у меня есть только топор и нож – не справлюсь. Круглосуточно топить печь – нет ни дров, ни сил, спать-то ведь тоже надо.

За месяц нашего пребывания здесь никаких зверей мы не видели. Значит, надо успокоиться и стараться с приходом темноты как можно быстрее уснуть. И будь что будет! А скорее всего, будет все хорошо. Такая примитивная установка сработала. Заснула. Ночью несколько раз просыпалась, переворачивалась на другой бок и быстро засыпала снова. Помню, было очень-очень тихо.

Время шло. Вот уже ровно трое суток моего полного одиночества. Состояние обычное, как в те дни, когда была не одна. С удовольствием слушаю радио, пишу и читаю. Очень хочется с кем-нибудь поговорить. Сегодня даже читала вслух.

Ночью я несколько раз выходила из палатки. В спальнике было жарко и плохо спалось. Небо оказалось ясным. Звезды – громадные, яркие. Луна похожа на обломок светящегося глобуса. На небо смотрела без романтического экстаза, а с определенной долей профессионального интереса.

Чудесная ночь для астрономо-геодезических наблюдений. Вспомнились наши недавние рабочие астрономические ночи, когда мы определяли по звездам координаты центра пункта

геодезической сети и азимут на земной предмет, где находились Валера с Витей, зажигающие в качестве визирной цели ночной фонарь. Как замечательно все начиналось, интересно работалось, и в одночасье все рухнуло. Снова и уже в который раз прокручивала я в голове ту ураганную ночь, когда сорвало инструмент и он разбился, как я проснулась от какого-то шума и грохота, но, решив, что это хлопает на сильном ветру неплотно застегнутая дверца палатки, зарылась поглубже в спальник и заснула. Сердце снова сжалось при воспоминании о той катастрофе с астроуниверсалом и глубокого сожаления из-за незавершенной работы.

Побродила глазами по небу. Звезды и созвездия на месте. Вон указывающая север, всем известная Полярная звезда. Отыскала созвездия Дракона, Кассиопеи, Лиры с самой яркой звездой Вега. Все-таки красивая и очень нужная у нас профессия. И к природе мы близки, и к Вселенной, и умеем ценить во взаимоотношениях между людьми простоту и естественность.

Множество историй рассказывают друг другу геодезисты: про медведей, тигров в дальневосточной тайге, скорпионов на Кубе, чудаков-рабочих, многие из которых чифиристы и бывшие ээки, но случаев драки друг с другом в полевых условиях, нападениях, убийств не припомню. Значит, умеют геодезисты создать свою правильную ауру, работая и живя бок о бок с совершенно разными людьми. Конечно, здесь здорово помогает природа, гармоничная красота которой, наверное, гасит отрицательные эмоции, незаметно подсказывая правильное поведение. Случайно забредшие к нам из другой среды люди, не поняв и не приняв наш мир, молча разворачиваются и уходят.

Вернулась в палатку и спокойно уснула. Перед тем, как заснуть, заметила, что стояла мертвая тишина... Мне снился дом: папа, мама и почему-то ссора с моей старшей сестрой Людой. Я будто ничего против нее не имела, а она меня во сне за что-то сильно ненавидела. Помню, будто глубокой ночью я ушла из дома и меня никто не стал удерживать, даже мама, хотя причину Людиного раздражения против меня никто не знал... Станный сон. С сестрой мы всегда были дружны.

На расстоянии как-то лучше понимаешь свои привязанности к людям. Я здесь мало вспоминала о большинстве своих подруг. А вот по Нинели, с которой в студенческие годы совсем не общались, а сошлись уже в самостоятельную пору жизни, я очень соскучилась. В городе я никогда бы не подумала о том, что именно к ней моя привязанность самая сильная. Нинель, Нинелька... По паспорту она Нина, родом из Сочи. Веселая, всегда – душа компании. Любит говорить тосты с кавказским акцентом. По внешности – яркая блондинка с шикарными длинными волосами. Никогда не купается в пресной воде, только в морской. Сейчас она уже дома, на побережье Черного моря, и почти до первого сентября будет там плавать, загорать и общаться со своей многочисленной родней, так как работает преподавателем в топографическом техникуме и имеет почти двухмесячный отпуск, а я вот сижу на одной широте с ней, но отнесенная сильно к востоку по долготе, в горах, одна и очень скучаю по ее светлой головке, доброму сердцу и жизнерадостности...

Удивительно много здесь всяких насекомых: пчелы, комары, шмели, пауты, мухи самых разнообразных размеров – от сантиметра до миллиметра, громадные муравьи и миллион различных букашек. Муха поражает своей наглостью, комар – нудностью и глупостью, потому что, присосавшись, он словно пьянеет, и его можно брать за крылья пальцами, паут – хитростью и предусмотрительной изворотливостью, ну, а муравей, конечно, – серьезной деловитостью. Строгий, в черном фраке, он даже без работы имеет очень занятой вид, куда там, не подступишься – агент похоронного бюро или министр иностранных дел, или еще кто-то, очень важный.

В тазике было немного воды после дождя, и в нее попало великое множество букашек. Вода испарилась, букашки обсохли на солнце и независимо поползли в разные стороны. Меня поразила их целеустремленная независимость: такие слабые, едва не утонувшие, а чуть оправились – сразу двинулись по своим индивидуальным делам, ни на кого не обращая внимания,

да еще с таким знающим, умным видом. Удивительно, у каждого свой путь, и никто не оглядывается на других.

Букашки бессознательно идут по своему пути, предначертанному природой, а люди осознанно пытаются что-то выбрать для себя, часто не понимая своих природных наклонностей и скатываясь к копированию чужих дорог. Где больше хаоса или порядка? Сложный и, наверное, вечный вопрос. Кто знает, может быть, в мире было бы меньше войн, горя, злобы, трагедий, если бы мы чаще прислушивались к своему внутреннему голосу и природным наклонностям.

Природа нам говорит, что на Земле есть все для счастья, но человек упорно не принимает этот естественный дар: мудрствует, лукавит, хитрит, злобствует, бряцает оружием, стремясь возвыситься над другими, покорить, прославиться, необоснованно претендуя на собственное знание истины в последней инстанции, и становится в итоге все более и более несчастным. Я любила свою профессию еще и за возможность приблизиться к постижению этой мудрости...

И еще прошло два дня в ожидании вертолета. Погода стала портиться, настроение – бунтующее и тоскливое одновременно. Когда все это кончится? В поддержку бунту подул ветер, но к вечеру лишь усугубил ситуацию. Наступила темная-претемная ночь, хоть глаз выколи. Казавшийся днем таким величественным верхний ветер, властно направляющий облака к морю, сейчас неожиданно снизился, зло обрушился на палатку и треплет ее, грозя опрокинуть, сорвать, уничтожить. Мы уже вместе с палаткой покорены сильным ветром и обе боимся. В минуту краткого затишья палатка только жалобно стонет, скрипя своей перекладной, словно просит у обитательницы прощения, за то, что ей страшно, она сдалась и мечтает только об окончании всего: любого конца – лучше уж здесь свалиться, чем катиться вниз по стланиковому склону. Нет, тут мы с палаткой расходимся – мне жизненно важно, чтобы она устояла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.